

Райнер Грундманн
Нико Штер

**ВЛАСТЬ
НАУЧНОГО
ЗНАНИЯ**

**Нико Штер
Райнер Грундманн
Власть научного знания**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960298
Власть научного знания. / Грундманн Р., Штер Н.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905769-3-3*

Аннотация

В центре внимания социологов Нико Штера и Райнера Грундманна – вопрос о том, при каких условиях научное знание влияет на практическую политику и как именно организовано это влияние.

В поисках ответа авторы книги анализируют три кейса – экономическую теорию и политику Кейнса, науку о расах и ее роль в трагедии холокоста, а также исследования в области климатологии, их восприятие в обществе и их последствия.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	9
Господствующая точка зрения	9
Знание и власть	13
Политологические подходы: линейная модель и ее критика	14
Научные данные и консенсус	17
Власть идей	19
Политика знания	22
Вывод	27
Глава вторая	28
Кейнс-экономист	30
Экономическая теория	32
Политика и экономика	36
Экономические знания	37
Государство как предприниматель	39
Кейнс-консультант	43
Кейнс в Германии	48
Мировая экономическая политика, или Кризис кейнсианской теории	56
Выводы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Нико Штер и Райнер Грундманн

Власть научного знания

Предисловие

Интерес к вопросу об условиях и степени фактического влияния научного знания на общество уходит своими корнями в эпоху формирования научных дисциплин в Новое время. Очевидно, что этот вопрос волновал ученых не только в прошлом, но волнует и сейчас – уже хотя бы по причине необходимости легитимации науки. Утвердительный ответ на вопрос о практической пользе научного знания помог не только первым ученым в период становления научных дисциплин, но и позволил современным исследователям завоевать общественное признание и, что немаловажно, получить доступ к ресурсам, необходимым для все более дорогостоящих научных изысканий в современном мире. Поэтому до сегодняшнего дня во внутренних уставах многих научных институтов можно встретить двойное обоснование их существования: с одной стороны, речь идет о научном прогрессе, с другой – о благополучии общества. В этой связи отрицание практической значимости научного познания неизменно наносит болезненный удар по науке, снижая далеко не только символическую ценность труда ученых.

Как правило, ответ на вопрос о причинах власти научного знания сводился к краткому указанию на успехи науки и техники в преобразовании условий нашей жизни. Благодаря научным открытиям мы дольше сохраняем свое здоровье и жизнь. Научный прогресс в медицине – ярчайший пример, доказывающий неоспоримую пользу и силу научного познания¹.

В своем исследовании условий власти научного знания мы не хотим довольствоваться простым тавтологическим ответом, согласно которому вопрос о причинах практического успеха научных изысканий можно считать решенным в силу практического успеха науки и техники.

Так, например, по мнению британского химика, лауреата Нобелевской премии Гарольда Крото, существует множество теорий, но только некоторые из них верны. Верные теории – это факты, и подтверждением им служит применение на практике:

Существует бесчисленное множество теорий, но все их однозначно можно разделить на две категории: это «истинные» научные теории, которые считаются «фактами», поскольку их функциональность была доказана экспериментально, и мы знаем, почему это доказательство удалось, и ненаучные теории, не выдержавшие аналогичных экспериментальных испытаний (Крото, дата изречения не указана [далее в тексте при отсутствии дополнительных указаний перевод с английского осуществлен Р. Г. и Н. Ш.]).

В качестве примеров истинных и функционирующих теорий Крото приводит теорию гравитации Ньютона, теорию электромагнетизма Максвелла, теорию относительности Эйнштейна, периодическую таблицу Менделеева, теорию квантовой механики и, наконец, теорию эволюции Дарвина². Это высказывание отражает мнение не только сообщества

¹ Заревитц и Нельсон (Sarewitz & Nelson, 2008) сравнивают успехи программ по вакцинации и педагогических программ. Они приходят к выводу, что в случае вакцинаций очевиден успех, в основе которого лежит некое функционирующее техническое зерно, тогда как в вопросах воспитания такого зерна нет.

² Что касается успешного применения всех этих теорий, то здесь Крото приводит следующие примеры: высадка на Луну (Ньютон); электричество, радио и телевидение (Максвелл); расщепление атома и управляемые спутники (Эйнштейн); кремниевые чипы и синтез лекарств (Менделеев); лазер и DVD (квантовая механика); борьба с опасными для жизни

ученых-естествоиспытателей, но и в целом господствующее понимание науки, истины и фактической власти.

Мы, разумеется, не собираемся оспаривать практические успехи научного знания, однако этот ответ в лучшем случае дает ретроспективное объяснение проблемы, соотнося теории с новейшими техническими достижениями. Но дело в том, что Ньютон не стремился совершить полет на Луну, а Дарвин не давал никаких указаний на то, как можно бороться с различными заболеваниями. В том же ключе можно было бы сказать, что Маркс является идейным творцом Советского Союза, а Ницше ответственен за Холокост. Такие поверхностные, анахроничные и функционалистские объяснения встречаются очень часто, однако от постоянного повторения они не становятся более убедительными. В своей книге мы постараемся гораздо подробнее и точнее проследить взаимосвязи между развитием научного знания и его практическим влиянием, прежде всего, в сфере политической власти.

Когда исследователи ссылаются на некие события в прошлом, в результате которых знания действительно привели либо к предсказуемым, либо к неожиданным изменениям условий жизни, они ничего не говорят о том, как эти условия будут развиваться в будущем, если только не предполагается, что будущие условия в точности повторят условия прошлые. Указание на практический успех в лучшем случае дает ответ на наш вопрос лишь *ex post facto*, но не может служить прогнозу или выявлению «приемов», важных для производства практических знаний.

Научные знания могут стать практическими и, следовательно, обрести влияние и власть двумя способами: через применение в технической или общественной сфере. В первом случае мы имеем дело с естественными и инженерными науками и их техническими артефактами, во втором случае – с социальным и культурологическим знанием и их соотносительностью с политическими мерами. В первом случае власть научного знания проявляется в применении машин, приборов или медикаментов, во втором случае – в социальных действиях и прежде всего в эффективном политическом вмешательстве в экономику и общество посредством принятия новых законов, постановлений и стратегий. В нашей книге мы сосредоточимся исключительно на второй категории применения научных знаний.

Процесс формирования и институционализации наук сопровождался неослабевающим интересом к техническим, социальным, политическим и экономическим последствиям научного познания. Интерес к вопросу о его влиянии и общественной полезности намного превосходит противоположный интерес к вопросу о влиянии общества на научные знания. Однако по мере утверждения интереса к проблематике укорененности научного знания в обществе стало ясно, что на вопрос о воздействии знания либо уже найдены ответы, либо эти вопросы не представляют непосредственного интереса для научного исследования. Разумеется, дискуссия о социальных последствиях научных изысканий не прекратилась полностью. Однако теперь главным стал вопрос о причинах нехватки (а не избытка) научных знаний.

В одной из новейших версий данного тезиса, казалось бы, неизменное соотношение влияния базиса и надстройки на системные трансформации в обществе (мы используем это знаменитое марксистское различие метафорически) было изменено на прямо противоположное. Все чаще можно услышать, что именно надстройка, к которой, несомненно, относятся и общественное знание, является двигателем истории. Впрочем, остается ли за ней последнее слово, пока еще неясно.

Хотя мнения о том, как именно выглядят взаимосвязи между познанием, социальным действием и обществом, существенно расходятся, многие наблюдатели все же единодушны в том, что знания, производимые общепризнанными научными дисциплинами, имеют (или

заболеваниями (Дарвин).

могут иметь) достаточно сильное воздействие на общественную практику. Если знание становится решающим фактором в производстве общественного богатства, неизбежно встает вопрос о том, куда направить эту производственную силу и как ее оптимально использовать. В обществе знания развитие производственных сил означает понимание того, каким образом знание можно применить на практике.

Упрощая и заостряя проблему, можно сказать, что в литературе встречается два подхода к анализу отношений между научными знаниями и властью. С одной стороны, утверждается, что знания вливаются в общество в виде результатов фундаментальных исследований, открытий прикладной науки и технических и прочих практических применений. Эта линейная модель использует метафору потока: обществу важно устранить барьеры и препятствия для того, чтобы знания могли свободно распространяться. В рамках другого подхода утверждается, что спрос на знание порождает те, кто его применяют, т. е. знание как бы производится по заказу и дает практическое решение насущных проблем. Этот подход представлен в различных вариантах, например, в виде тезиса о науке как об источнике легитимации политики (Habermas, 1971) или заказных исследованиях (*mandated science*, Salter et al., 1988). В первом подходе в центре внимания оказываются те, кто создает предложение, т. е. производители знания, во втором – те, кто создает спрос и использует произведенное знание. В обоих случаях единица анализа определена не совсем точно. Как будто бы и неважно, о чем именно идет речь – об отдельных ученых, о научных дисциплинах, о науке как социальном институте или о совокупности ученых-одиночек. В этой связи мы предлагаем ограничить анализ деятельностью акторов, производящих и внедряющих практическое научное знание. Что именно собой представляет практическое знание, и есть основной вопрос нашего исследования.

В отдельных кейс-стади, посвященных экономическому дискурсу, расологии и климатологии, а также особенностям практического контекста, в котором раскрываются эти научные дисциплины, мы попытались выделить и проанализировать те характеристики научного знания, что обеспечивают общественное влияние этой форме познания. Таким образом, в центре нашего внимания находятся те атрибуты научных знаний, в отношении которых можно сказать, что они влияют на власть научного познания в обществе. В этой связи нас не очень интересуют особенности политических процессов и анализ политических решений. Мы исследуем ситуацию с точки зрения науки и именно с этих позиций анализируем проблемы практического применения знания.

В прошлом ключ к решению этих проблем, как правило, искали и находили в теории науки. Мы, однако, считаем ответы теоретиков науки малополезными. Впрочем, анализ научного знания и власти затруднен не только их выводами. Целый ряд подходов искажает наш взгляд на связь между идеями и их практическим применением, в первую очередь, в области политики. Основная проблема заключается в том, что само понятие научного знания и, соответственно, связь между этим знанием, действиями и властью изучены недостаточно. Поэтому необходима точная спецификация и дифференциация этих понятий, а также проработка различных контекстов их применения. Это не означает, что наши изыскания начнутся и закончатся на уровне понятий. Основную часть нашей работы составляют три упомянутых выше кейс-стади и их сравнение. На конкретных примерах мы покажем, как в ходе исторического процесса утверждается взаимосвязь научного знания и власти, т. е. власть научного знания.

В трех проанализированных нами кейсах речь идет о политически значимых научных знаниях, которые были произведены в рамках как уже устоявшихся, так и новых научных дисциплин. Эти кейсы отражают ситуацию в трех областях: в естественных и социальных науках, а также в науках о культуре. Все три кейса относятся к разным историческим периодам и географическим областям. Рассмотренные нами акторы из сферы научной деятель-

ности ориентируются, скорее, на вопросы, актуальные в их национальном контексте, при этом надеясь на резонанс в других странах. В случае климатологии, изначально ориентированной на глобальные проблемы, политическое применение научных выводов также всегда нацелено на межнациональных акторов.

«Операциональные» или «практические» познавательные цели научных акторов, как правило, формируются в тесной взаимосвязи с определенными социальными, экономическими или политическими контекстами. Ученые надеются на положительный резонанс в обществе. Не приходится сомневаться в том, что исследуемые нами научные поля населены акторами (а среди них нередко встречаются и очень известные ученые), стремящимися к славе за пределами научного сообщества. Зачастую их мотивирует вера в то, что их научные достижения поддерживают некие сильные течения в политическом противостоянии, а их внедрение может улучшить мир.

Мы не претендуем на то, что наш выбор случаев для кейс-стади отвечает требованиям классического эксперимента, в котором с определенной степенью надежности выделяются те переменные, что имеют решающее значение для практического успеха научного знания. Для этих целей наша выборка слишком мала. Тем не менее, логика сравнительного кейс-стади (Moore, 1966; Przeworski, 1970; Skocpol, 1979) позволяет нам выявить те характеристики, которые в целом позволяют знанию обрести власть.

Три выбранных нами случая соответствуют трем различным измерениям во взаимоотношениях научного знания и власти. На уровне акторов в лице Джона Мейнарда Кейнса мы видим отдельного индивида, которому, как никому другому, удалось изменить экономическую политику ведущих западных демократических государств. Хотя в период деятельности Кейнса в качестве правительственного консультанта его предложения не были приняты и воплощены в жизнь, не вызывает сомнений тот факт, что именно тогда он заложил основы новой экономической политики. Заслуживает внимания и то, что в своих рецептах в области кризисного менеджмента Кейнс использовал небольшое количество переменных. У него не было теории, которая бы отражала экономическую реальности во всей ее полноте – хотя для многих именно это является условием того, что теория в принципе может иметь практическое значение.

Применительно к проблеме изменения климата мы имеем дело с огромным числом исследователей и экспертов, организованных в межнациональные «сообщества знания» (epistemic communities) и пытающихся оказывать прямое влияние на политику. Однако, несмотря на многочисленность этого сообщества и достигнутый в нем консенсус, в климатической политике оно до сих пор не добилось каких-либо практических успехов.

В отношении расологии мы хотим обратить внимание читателей на то, как широко ученые используют культурные и политические ресурсы для обоснования своих претензий на такое знание, которое неизбежно вызывает политический резонанс. Так же, как и в области климатической политики, ученые-эксперты здесь очень близки к политическим акторам. В отличие от климатической политики, расовая политика национал-социалистического режима в Германии привела к практическому внедрению выводов расовой науки, что в конечном итоге нашло свое завершение в Холокосте. В связи с этим встает вопрос о том, насколько «нейтрально» научное знание, всегда ли его приумножение означает увеличение общественной полезности и представляет ли оно моральную ценность само по себе.

Мы очень благодарны Джею Вайнштейну за то, что он великодушно позволил нам включить в качестве одного из кейс-стади по проблеме соотношения власти и научного познания исследование, соавтором которого он является и которое посвящено теме тесной научно-политической взаимосвязи между расовой наукой и Холокостом. Мы расширили рамки этого исследования в соответствии с целями своих изысканий. Совместная статья

Джея Вайнштейна и Нико Штера «Власть знания: расовая наука, расовая политика и Холокост» впервые была опубликована в журнале «Social Epistemology» (1999).

Значение кейнсианского дискурса и его социологического контекста сначала было проанализировано в книге Нико Штера «Практическое познание» (1991). Предложенную в ней аргументацию мы расширили новыми подтверждениями огромного значения Кейнса, чьи работы, вне всякого сомнения, входят в ряд самых выдающихся исследований в области социальных наук. Их беспрецедентное значение объясняется не только их влиянием на экономическую политику послевоенного периода, но и тем ренессансом, который они пережили во время недавнего финансового кризиса.

Мы хотим выразить благодарность Барбаре Штер за стилистическое и техническое редактирование нашей рукописи. Мы также благодарим Корнелию Вальнер за ее критические замечания к тексту и форматирование библиографии. Нине Хиллекум мы признательны за дополнения к библиографии.

Глава первая Власть идей

Хотя пути к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом сплетены один с другим и едва ли не одни и те же, однако вследствие пагубной застарелой привычки обращения к абстрактному гораздо безопаснее начинать и строить науки от тех оснований, которые связаны с действенной частью, чтобы она сама обозначила и определила созерцательную часть.

Фрэнсис Бэкон ([1620] 1972: 84)

То, что наука играет определенную роль в жизни общества в качестве производительной силы и средства производства, отнюдь не оправдывает прагматическую теорию познания.

Макс Хоркхаймер (Horkheimer, 1932:1)

Господствующая точка зрения

Различие, на которое в 1932 году в первом выпуске «Журнала социальных исследований» обратил внимание Маркс Хоркхаймер и на которое за несколько столетий до него указал Фрэнсис Бэкон в «Новом органоне», подчеркивает четкую грань между полезностью и истинностью результатов научного познания. Если быть более точным, Хоркхаймер настаивает на различии, которое признается многими другими учеными и отсылает нас к одному из атрибутов традиционной теории науки. Речь здесь идет о причинах практической эффективности результатов научного познания как, пожалуй, одного из важнейших его свойств. 1932-й год был, безусловно, крайне значимым в политическом плане, и непримиримая позиция Хоркхаймера относительно того, что общественные интересы никоим образом не могут влиять на решение вопроса об истинности, явилось реакцией на эскалацию конфликта вокруг роли наук в обществе. Наука и производимые ею знания не должны прислуживать власти; определенная автономия науки не должна ставиться под сомнение. Однако, как подчеркивает сам Хоркхаймер (Horkheimer, 1932: 2), отстаиваемая им автономия наук не предполагает разделения теории и практики.

Хоркхаймер говорит как бы о двух кодах познания – о первичном и о вторичном. Первичный код познания представляет истину, вторичный или производный – пользу. В отличие от кода истины, код пользы связан с производством нового знания в лучшем случае опосредованно. По этой причине такая позиция предполагает, что нет ничего практичнее хорошей теории. Истина и польза оказываются отделенными друг от друга, при том что истина контролирует пользу. Поскольку только истинная теория функционирует на практике, для общества полезнее предоставить науки автономия.

Но каковы отношения между теорией и практикой, между знанием и властью? Господствующая точка зрения заключается в том, что между знаниями и властью существуют инструментальные отношения³. Это означает, что, во-первых, структура и культура социаль-

³ Мы осознаем, что эта терминология нуждается в объяснении. В теории науки до Поппера под «инструменталистской позицией» понималась точка зрения епископа и философа Джорджа Беркли, согласно которой научные теории могут функционировать на практике, т. е. могут быть инструментальными, однако это совершенно не обязательно делает их истинными. На заре эпохи модерна многие считали кощунством употребление понятия истины за пределами церковной схоластики. Однако именно эти точка зрения утвердилась среди практикующих ученых, которые предпочли решение фило-

ных групп как производителей знания не оказывают влияния на производство знания или на обоснование притязаний этого знания на истинность. Только «логика науки» и природы, мира объектов, движет вперед производство знания. Во-вторых, знание в общем и целом не связано с контекстом его применения. Вот почему часто можно услышать, что знание нейтрально по отношению к ценностям и не подвержено влиянию временной, пространственной или социальной среды. Подобная позиция часто встречается в виде тезиса об объективности или рациональности знания: корпус научного знания является в равной мере истинным всегда и везде.

Модель инструментального знания трактует научные теории и исследования как своего рода интеллектуальный инструмент, используемый в практических ситуациях. В той мере, в какой научное знание истинно, оно также надежно и полезно. Само по себе теоретическое знание еще не гарантирует успешной реализации желаемого социального действия. Оно также не гарантирует, что используемые при этом средства будут соответствовать этическим требованиям. Однако когда теоретическое знание находит практическое применение, перед нами открывается перспектива уменьшения технической нагрузки. Нам уже не нужно самим беспокоиться о производстве необходимого знания. Нам вполне достаточно знать условия, при которых применяется это знание. В этом случае желаемый эффект достигается как бы сам собой, благодаря истинности лежащего в его основе теоретического знания.

Насколько важен аспект практической значимости знания и для социальных наук, в 1954 году показал Льюис С. Фойер в своем эссе «Каузальность в социальных науках». Фойер показал, что лояльность ученых по отношению к определенным социально-научным теориям поддерживается их верой в некие метатеоретические представления. Эти представления он называет «интервенционистскими» (interventionist) и «детерминистскими» (necessitarian). Приверженцы детерминистской модели убеждены, что некую заранее предсказанную ситуацию невозможно предотвратить. Сторонники интервенционистской модели убеждены, что путем сознательного вмешательства можно изменить данную ситуацию или предотвратить ситуацию предсказанную. Это похоже на описанное Хоркхаймером различие между полезностью и истинностью. Фойер (Feuer, 1954: 683) подчеркивает, что социологические теории принимаются учеными не потому, что обладают эмпирической очевидностью, а потому, что открывают перед исследователем новые горизонты действий.

В этой книге мы исследуем вопрос о том, когда, как и почему знание может приобрести власть. Многие считают эти вопросы тривиальными и не заслуживающими рассмотрения, поскольку ответ на них якобы лежит на поверхности. И широкая общественность, и целый ряд ученых воспринимают понятия «знание» и «истина» как синонимичные. Однако то, что мы сегодня называем истиной, существенно менялось на протяжении столетий. Изменились и условия, при которых знание сближалось с властью. Как доказывают исследования по истории науки (Daston & Galison, 2007; Shapin, 1994), то, что считается объективным и истинным, подвержено исторической трансформации. Норберт Элиас (Elias, 1971) писал о том, что притязания знания на истинность и процедура производства и валидации знания с течением времени были все меньше ориентированы на субъект и все больше – на объект.

Смещение понятий знания, истины и власти, которое мы наблюдаем в современном обществе, связано с нормами, доминирующими в самой современной науке. Согласно этим нормам, притязания знания на истинность наиболее оправданны тогда, когда эти знания не

софских проблем предоставить философам. Поппер (Popper, 1956), как известно, не принимал эту точку зрения, утверждая, что наука в ней уподобляется «ремеслу водопроводчика». Согласно Попперу, наука ни при каких условиях не должна отказываться от понятия истины. В связи с этим понятие «инструментализм» мы используем в значении связи между теорией и (успешным) применением, как она выражена, в частности, в цитате Крото.

привязаны к определенной исторической эпохе или к определенному контексту. Освобождение от контекстов многими воспринимается как знак качества, свидетельствующий о высоком содержании истины в том или ином знании. Ситуация изменилась по сравнению, скажем, с XVII-м веком, когда джентльмены доверительно сообщали друг другу, что те или иные выводы или результаты были достигнуты благодаря правильно осуществленной процедуре (эксперименту), и для их подтверждения или проверки (*virtual witnesses*) в любой момент можно привлечь общественность. Гражданам современного общества не оставалось ничего иного, как делегировать процесс перехода знания во власть научному сообществу и надеяться на то, что реализуемые в нем процедуры можно считать надежными.

Мы ни в коем случае не сомневаемся в том, что знание может обладать властью. Мы не сомневаемся и в том, что источник многих притязаний со стороны знания лежит в научном сообществе. Мы согласны с большинством наблюдателей в том, что мы живем в обществе знания и обладание знанием является неотъемлемым условием завоевания и сохранения авторитета, социального неравенства и личной идентичности.

Тем не менее, для нас также очевидно, что знание зачастую остается совершенно неэффективным. Это наблюдение поражает и даже, возможно, не всеми признается, однако оно показывает нам, что разные знания совершенно по-разному воспринимаются обществом, несмотря на то, что они прошли те же процедуры производства и валидации. Другими словами, как практически успешное, так и практически безуспешное знание удостоверяется в качестве такового внутри науки и свободно от каких бы то ни было субъективных коннотаций. В этой связи очевидно, насколько ошибочно восприятие науки в качестве ничем не ограниченной силы.

Поэтому необходимо внимательно изучить, по каким причинам знания в одних случаях становится эффективным, а в других не оказывает никакого воздействия, хотя и в тех, и в других случаях его аутентичность гарантирована. Ответ, который сегодня можно услышать чаще всего и который реже всего подвергается сомнению, заключается в отождествлении знания и силы. Этот удобный ответ трактует знание как нечто необходимое, что черпает свою силу из истории возникновения (внутри науки!). Правда, в таком случае уже невозможно различить разные формы знания, с одной стороны, и объяснить причины успешного или безуспешного применения знания, с другой стороны. В первом случае, очевидно, исходят из того, что традиционное знание слишком слабое для того, чтобы выдержать конкуренцию со стороны научного знания. Во втором случае в качестве причины приводится различное содержание истины в знаниях. Соответственно, некоторые знания неэффективны потому, что неверна их теоретическая основа. Мы сознательно заостряем эти аргументы для того, чтобы предельно исчерпать их доказательный потенциал. Мы осознаем, что существуют подходы, критикующие традиционные представления о знании и силе. Однако зачастую эта критика имплицитна и высказывается, например, в исследованиях применения научных знаний, где речь идет о причинах того, почему «хорошая» теория оказалась неэффективной на практике, или же в ходе исследования организации, когда выясняется, что технические устройства функционируют несмотря на отсутствие теорий, способных дать этому исчерпывающее объяснение (Regow, 1984). Однако во всех этих подходах отсутствует систематический анализ характеристик знания и власти.

В отличие от традиционных моделей эффективности и власти научного знания, мы хотим обратить внимание на то, что источник эффективности знания не следует искать в процедурах производства знания или в определенных нормах научного сообщества, при помощи которых оно пытается внести ясность в спорные вопросы. Гораздо более решающее значение имеет то, что знание, приобретающее практическую значимость, должно содержать варианты действия, которыми определенным образом манипулируют для того, чтобы привести реальность в соответствие с релевантным знанием. Это, с одной стороны, означает,

что очень многие знания вообще не достигают той стадии, когда они могут напрямую преобразовывать действительность (и поэтому, в конечном итоге, они не в состоянии это сделать). С другой стороны, это означает, что для того, чтобы стать эффективной, теория вовсе не должна содержать в себе все аспекты или переменные той реальности, на которую она ссылается. Положение о том, что только комплексная теория может изменить комплексную реальность, должно быть отброшено как неверное.

Знание и власть

В сравнительной и исторической перспективе возникает вопрос, какое влияние достижения науки оказывают на политику и можем ли мы действительно говорить о силе знания как о его власти. На этот вопрос мы попытаемся ответить при помощи теоретических размышлений и эмпирических кейс-стади. Два выбранных нами случая относятся к началу, а один – к концу XX-го века. Уже в XIX веке расология была политически значимой теорией. Во время второй мировой войны она превратилась в политический инструмент, который был использован для оправдания Холокоста. Кейнсианство стало политически значимой исследовательской областью в 1920-е годы. Тогда Джон Мейнард Кейнс выступил с предложениями относительно новой экономической политики, чтобы вывести из кризиса британскую экономику. Сначала его предложения не встретили никакого отклика, однако после второй мировой войны они стали главной экономической доктриной. Сегодня кейнсианская политика реализуется во всех развитых капиталистических странах. Один из президентов Соединенных Штатов даже как-то сказал: «Все мы теперь кейнсианцы».

В конце XX-го века человечество обеспокоилось проблемой глобального потепления атмосферы. Изначально эту проблему подняли климатологи. В 1970-е годы небольшая группа ученых забила тревогу в связи с предстоящей глобальной экологической катастрофой – разрушением озонового слоя. После принятия в значительной мере успешных международных законодательных мер по защите озонового слоя была предпринята попытка создания параллельных институциональных структур, что, однако, не привело к желаемому результату. Сложилась двойственная ситуация: часто можно слышать о политических успехах в сфере защиты озонового слоя, но в то же время климатическая политика находится в плачевном состоянии. В нашей книге мы анализируем в первую очередь институциональные условия, созданные для того, чтобы обеспечить эффективную трансформацию результатов научного исследования в политические действия через посредничество Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Здесь, как и в случае расологии и кейнсианства, можно исходить из того, что научная основа везде остается одинаковой, однако политика разных стран оказывается различной.

В контексте этих трех случаев мы вводим сравнительное измерение именно для того, чтобы выявить степень вариации этой политики. В случае кейнсианства и его влияния на развитие современной экономики мы, среди прочего, рассматриваем роль понятия «комплексности» применительно к социальным феноменам и то, насколько комплексность социального мира должна отражаться в социальных науках, что нередко считается принципиальным условием их практической эффективности. Мы анализируем причины различной привлекательности кейнсианской политики в зависимости от исторического периода и страны. В случае климатических исследований мы рассматриваем роль единой международной системы научной отчетности, в связи с чем встает вопрос о том, почему климатическая политика отличается от страны к стране. Как и в случае климатологии и климатической политики, расологию мы рассматриваем в контексте культурных и политических течений эпохи. В отличие от климатологии, сегодня приумножение знаний о человеческих расах далеко не у всех заслуживает одобрение (эту же проблему можно наблюдать и на других примерах). Национальные различия и в случае расологии подводят нас к вопросу о том, почему только в Германии эти знания привели к трагедии Холокоста.

Политологические подходы: линейная модель и ее критика

Уже упомянутую инструментальную модель использовали в своих исследованиях прежде всего американские политологи. В своей знаменитой работе «Власть и общество» (1950) Гарольд Лассуэлл и Абрахам Каплан разработали линейно-рациональную модель политики⁴. Эта модель политики опирается на традицию Просвещения и рассматривает научное знание с точки зрения помощи в решении общественных проблем. Если наука производит истинное, функционирующее знание, то оно может быть использовано в политическом процессе, где его применение ведет к «правильным» политическим решениям и эффективно в разрешении споров по политическим вопросам. Это представление разделяли многие авторы как до, так и после выхода в свет книги Лассуэлла и Каплана. Многие надеются на то, что конфликтующие группы и противоборствующие идеологические позиции можно убедить в правильности решения, основанного на знании, ибо наука в состоянии преодолеть идеологические (и метафизические) расхождения⁵.

Внутри этого течения, вероятно, имеет смысл выделить два направления – рационалистическое и прагматическое. Для рационалистического подхода цель заключается в принятии политического решения на основании наилучшего из доступного знания. Линдблом называет такой подход «синоптическим». Прагматический подход имеет своей целью договорные компромиссы, функционирующие на практике. Линдблом противопоставляет рациональный подход (основанный на большом объеме информации и требующий систематического сравнения доступных альтернатив действия) более скромному подходу, в рамках которого акторы, принимающие политические решения, учитывают лишь отдельные политические альтернативы (большинство из которых известно им из прошлых споров и конфликтов), основанные на «предыдущем опыте постепенных мер для того, чтобы иметь возможность спрогнозировать воздействие аналогичных мер в будущем» (Lindblom, 1959: 79). Опираясь на тезис Джеймса Марча и Герберта Саймона (March & Simon, 1958) об ограниченной рациональности, Линдблом утверждает, что применение синоптического подхода невозможно ввиду высокой комплексности проблем, поскольку актор никогда не располагает необходимым количеством времени, денег и информации. Он предлагает носителям решения вовсе отказаться от синоптической модели и ограничиться несколькими политическими альтернативами. У него вызывает удивление тот факт, что «в литературе по проблемам нахождения решений [...] и общественного управления развивается именно первый, а не второй подход» (Lindblom, 1959: 80). Другими словами, практики знают, что они не доросли до требований рационалистической модели. Ученые же, со своей стороны, об этом стараются забыть и в теории работают именно с такой моделью.

В одной из своих более поздних статей Линдблом возвращается к этой теме и отстаивает второй подход, который он теперь называет «фрагментированным инкрементализмом» (*disjointed incrementalism*). Он утверждает, что мы никогда не будем иметь «полную картину» или синоптическое представление обо всех значимых составляющих (ценностях, данных, факторах, причинах и т. д.), предшествующих принятию решения. Вместо этого мы

⁴ Эта модель включает в себя также технологические применения результатов научного исследования. Годин (Godin, 2006) утверждает, что «линейная модель» представляет собой стилизованный артефакт, сложившийся в результате различных институциональных практик отчетности перед правительством США и статистических определений ОЭСР. Впрочем, то, что является общепринятой практикой, нельзя объяснить влиянием отдельных исторических личностей, например, президента Буша (1945).

⁵ Основатель Венского кружка Отто Нойрат выразил это в емкой формуле: «Метафизика разделяет; наука объединяет» (цит. по: Cartwright et al., 1996: 179).

должны исходить из неполного анализа, но делать это осознанно. Нет смысла стремиться к идеалу синоптического анализа, ибо это ведет к менее удачным результатам по сравнению с решениями, принятыми теми, кто осознает ограниченность исходных данных и, так сказать, пробивается к цели с открытыми глазами. Линдблом приводит пример общественных зданий: «Традиционная синоптическая попытка выбрать место для создания нового публичного пространства и обосновать этот выбор посредством анализа всей территории города, всех возможных потребностей и сценариев развития, превращается в лучшем случае в поверхностную, формалистскую процедуру, а в худшем – в обман» (Lindblom, 1979: 519).

Другой аспект критики в адрес рациональной модели заключается в том, что политика и наука занимают противоборствующие позиции, прежде всего по причине эпистемологических и коммуникативных границ. Авторы «*модели двух сообществ*» (two-communities-model) и в том числе Каплан (Caplan, 1979) также сомневаются в реалистичности линейной рациональной проблемы, полагая, что отношения между наукой и политикой в принципе сложные. Эти две сферы формируются под воздействием разных логик и разных культур⁶. В то время как ученые стремятся к истине, политики заняты проблемой власти. Луман в своей теории функциональной дифференциации (2007) рассматривает этот аспект на более общем уровне, говоря о проблематичности коммуникации между социальными системами. Коммуникация между политикой и наукой проблематична и, следовательно, «крайне маловероятна».

Когда идеи институционализируются в политике и тем самым становятся реальностью, сама собой возникает мысль о том, что произошло то, что должно было произойти. Другими словами, связь между знанием и политикой представляется непроблематичной, более того, неизбежной. Задача историка и критически настроенного социолога – разоблачить эту кажущуюся неизбежность. Мишель Фуко ввел понятие дискурса для того, чтобы описывать реальность идей и практик определенной исторической эпохи. Он использует понятие археологии для того, чтобы обратить внимание читателя на те усилия, которые необходимы для анализа и деконструкции этих дискурсов. Разумеется, исследователи в области социальных наук осознают, что социальные роли ученых и тех, кто принимает политические решения, отличаются друг от друга и что акторы из этих двух сфер, по сути, живут в разных эпистемических вселенных. Маловероятно, что эти роли пересекутся. «Маловероятно» не значит «невозможно», однако возможность такого пересечения должна быть тщательно изучена.

Те, кто активно действует в обеих сферах, говорят о том, что почти невозможно выйти из той роли, которую ты воплощаешь в данный момент – несмотря на все твои знания и сочувствие к «другим» ролям. Рассмотрим один пример из повседневной жизни: автомобилист хочет доехать до своей цели и при этом представляет угрозу для переходящего улицу пешехода. Через несколько минут тот же самый пешеход может действовать таким же образом, если он сядет в машину и поедет по улице. Автомобилист, который только что вел себя довольно бесцеремонно на дороге, тоже может оказаться в роли пешехода: вот он припарковал свою машину и идет в магазин на другой стороне улицы. Теперь он будет ругаться на безответственных автомобилистов, пытающихся его «переехать». Всем нам знакомы подобные примеры из повседневной жизни: они показывают нам, как сложно, более того, иногда невозможно быстро перенести опыт из одной роли в другую и исправить свое поведение.

⁶ Впоследствии *модель двух сообществ* была заменена политико-сетевыми подходами (Heclo, 1978; March & Rhodos, 1992) и концепцией дискурс-коалиций (Hajer, 1995; Gottweis, 1998). В этих подходах на первый план выходит тесный обмен информацией между акторами из различных подсистем (представителями экономики, науки, управления и общественности). Все они участвуют в публичном дискурсе, а иногда также в менее публичных сетях с тем, чтобы повлиять на политические решения, и при этом противостоят другим группам акторов, отстаивающим другие интересы, ценности и политические цели.

Скептики могли бы на это ответить, что только несчастные случаи (которых, возможно, в последний момент удалось избежать) могут спровоцировать тот шок, который необходим для пересмотра рутинных практик.

Хернс (Hernes, 2008: 258) делится своим личным опытом постоянного перехода из мира (социальной) науки в мир политики и обратно. Он отмечает, что политики и представители социальных наук относятся друг к другу с благожелательным равнодушием, что «политики хотя и финансируют исследования, не сильно заинтересованы в их результатах; исследователи же описывают мир, не надеясь на его изменение». Хернс разрабатывает типологию ролей в обоих мирах⁷. Он полагает, что первый шаг в работе ученого всегда заключается в наблюдении некой ситуации, нуждающейся в объяснении, тогда как политик начинает свою деятельность с определения политического вопроса, нуждающегося в рассмотрении (и решении). Поэтому «цель ученых [...] – объяснить действительность, а цель политиков – воплотить нечто в реальность» (Hernes, 2008: 262). Политику нужен рычаг для действия, необходимого для изменения реальности. Кроме того, опытный политик должен уметь предвидеть побочные последствия и непреднамеренные результаты. Свои наблюдения Хернс завершает замечанием о том, что задача ученых – «придумать и валидизировать объяснения», тогда как задача политиков – «придумать и реализовать меры» (Hernes, 2008: 263). Было бы интересно продолжить его аргументацию и выяснить, что происходит, когда ученые (или другие не-политики) влияют на политические решения и разбираются в политических процессах. Многие, причем не только марксисты, попытались это сделать вслед за Марксом («Философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы его переделать»). Представители почти всех научных дисциплин, начиная с антропологии и заканчивая зоологией, пытались повлиять на политические решения путем открытого или скрытого лоббирования. То же самое можно сказать и о неправительственных организациях, которые иногда очень тесно сотрудничают с учеными, а иногда сами занимаются распространением научного знания.

Мы видим возможность пересечения ролей ученого и политика в пересмотре роли ученого, которого Хернс воспринимал исключительно как когнитивное существо. Предположим, ученый знает, что политики хотят, чтобы их воспринимали как активную сторону. Если результаты его научных исследований способны стать «рычагом к действию» и если ему удастся представить комплексное явление как явление, поддающееся управлению, то вероятность того, что его исследования будут восприняты политиками как значимые, резко возрастет. Поэтому нам кажется, что чем больше ученые разбираются в политических процессах, тем больше у них шансов «протащить» результаты исследований в политическую практику, тем самым повысив их эффективность.

⁷ Не вдаваясь в детали и границы его типологии, скажем лишь, что он несколько наивно принимает попперовское представление о том, что ученые отклоняют теоретическую модель в том случае, если ей не соответствуют эмпирические данные (Hernes, 2008: 262),

Научные данные и консенсус

Знания редко преподносятся в простой и недвусмысленной форме. Разумеется, те, кто принимает политические решения, предпочитают ясную и простую информацию, и иногда производители знания исполняют их желания. Но даже в том случае, когда знания с самого начала излагаются в виде простого набора фактов, прогнозов и рекомендаций, часто выясняется, что на более глубоком уровне все гораздо сложнее. Это легко можно увидеть, если проанализировать различные политические меры, основанные на схожих или одинаковых научных данных и оценках. Мы рассматриваем подобные случаи в наших трех кейс-стади. Применительно к расологии очевидно, что между разными нациями в отношении к этой области знания существовали большие различия, несмотря на общую научную основу. В конце концов, Холокост был осуществлен только одним национальным правительством. В случае кейнсианства мы также наблюдаем различные варианты реализации одной и той же доктрины. Можно сказать, что даже в отношении самого понятия «кейнсианство» нет единого мнения. Между тем теория всегда была связана с политическими рекомендациями, которые изначально были сформулированы одним настойчивым ученым. Наконец, изменение климата показывает, что даже транснациональная организация взаимодействия между наукой и политикой не в состоянии предотвратить фундаментальных отличий в климатической политике разных стран.

Гормли (Gormley, 2007) пишет о том, что экономисты (в отличие от представителей других социальных наук) имеют особенно сильное влияние на формирование общественной политики. В своем комментарии к государственной политике дерегуляции в США в 1980-е годы он показывает, что большая часть мер по дерегуляции была инициирована известными экономистами из элитных университетов и затем принята в широких политических кругах. Экологическая политика – наиболее показательный пример перехода от структур государственного контроля к анализу затрат и полезности и инструментам рыночного регулирования. В 1990 году в США с целью снижения выбросов двуокиси серы был принят акт «О чистом воздухе», согласно которому право на выбросы можно приобрести за деньги. Вскоре это стало главным политическим инструментом в международных переговорах об изменении климата. До этого рыночно-ориентированные подходы воспринимались крайне недоверчиво, прежде всего европейскими правительствами (Damro & Luaces-Mendez, 2003; Gilbertson & Reyes, 2009). Гормли приводит и другие примеры успешного применения рекомендаций со стороны ученых, в том числе и политологов. Впрочем, он отмечает, что многие рекомендации были проигнорированы. Этому факту он дает свое объяснение. По его мнению, для успеха или неуспеха научного знания в политике важен консенсус экспертов. Странники политики, вооруженной «хорошими», однозначными результатами эмпирических исследований, обладают большими преимуществами в подобных спорах. Это «позволяет представителям групп, объединенных общими интересами, разрабатывать как инструментальные, так и нормативные аргументы, в то время как их оппоненты вынуждены ограничиваться лишь нормативными аргументами» (Gormley, 2007: 310).

Неудачные попытки внедрения отдельных научных идей Гормли объясняет недостатком эмпирических данных, что, в свою очередь, приводит к отсутствию консенсуса среди экспертов, или, если использовать формулировку самого Гормли, к тому, «что любая работа одного из этих экспертов подвергается нападкам со стороны эксперта из враждебного лагеря». В этих условиях эксперты поставляют «патроны» обоим сторонам конфликта, не влияя на позицию его участников (Gormley, 2007: 310).

К аналогичным выводам приходят многие исследователи. Как мы увидим в четвертой главе, МГЭИК действовала в том же направлении. Однако независимо от того, насколько

прочным был консенсус среди экспертов, МГЭИК так и не удалось примирить ключевые мировые державы в вопросах климатической политики. Изменение климата – это, возможно, самый яркий пример того, как эксперты на протяжении многих лет обеспечивали аргументами обе стороны конфликта, несмотря на наличие консенсуса в научной среде⁸. Дан Заревиц (Sarewitz, 2004) называет эту ситуацию «избытком объективности», а Роджер Пильке мл. (Pielke jr., 2007) противопоставляет идеально-типическую логику «борьбы с абортами» «политике борьбы с торнадо». Тем самым он хочет показать, что политика в сфере климата имеет гораздо больше общего с политикой в отношении абортотворения (где наука, мораль и политика тесно связаны друг с другом), чем с политикой в отношении торнадо (где речь идет о сухих фактах и оценке рисков).

Наши кейс-стади свидетельствуют о том, что вопрос о компетенции политиков – играют ли они роль «дилетантов», как пишет Макс Вебер⁹, или же они фактически контролируют принимаемые решения – это вопрос эмпирический. Нас интересует, как развивалась расология, а именно можно ли говорить о том, что из престижных научных институтов ее влияние перекинулось на политических лидеров, и лишь затем – на другие научные учреждения? И можно ли проследить аналогичный тип развития применительно к проблеме изменения климата и кейнсианства?

⁸ Сам Гормли указывает на границы консенсуса среди ученых в связи с проблемой контроля вооружений. В этом случае важны группы, объединенные общим интересом, поскольку «они хорошо организованы, обеспечены финансово и готовы стоять до конца» (перевод наш – Р. Г., Н. Ш.).

⁹ Согласно Веберу, бюрократии не просто собирают знания, но и пытаются это знание защитить от нападков «аутсайдеров» и используют его в инструментальных целях. Поскольку политические лидеры все чаще оказываются «дилетантами», контроль за экспертами становится задачей других экспертов. Правитель «контролирует одного специалиста при помощи других» (Weber, [1922] 1972: 574). Кто контролирует бюрократический аппарат управления и господствует над ним? Вебер (Weber, [1922] 1972: 128) считает контроль со стороны неспециалиста возможным лишь до известной степени, так как в целом «профессиональный тайный советник в должности министра, как правило, в долгосрочной перспективе превосходит [...] неспециалиста в осуществлении своей воли».

Власть идей

Рассмотрим проблему отношений между идеями и интересами в процессе поиска политических решений, а также часто встречающееся представление о том, что идеи способны обладать особой властью. Этой проблемой занимались в том числе исследователи в области международных отношений, и различные варианты этого аргумента мы находим в понятии «*фокальных точек*» Томаса Шеллинга (focal points, что значит «очевидная точка конвергенции») или в концепции Джудит Голдштейн, согласно которой «согласие с [экономическими] идеями объясняется их властью» (Goldstein, 1994: 2).

Критики подобной аргументации требовали от ее сторонников объяснения того, каким образом идеи в своем каузальном воздействии на реальность могут быть независимыми от политики и от интересов акторов, их породивших (Jacobsen, 1995: 295). Голдштейн в конечном итоге отказалась от радикального варианта этого тезиса, остановившись на том, что наибольшее значение имеют выдающиеся идеи, поддержанные общественной элитой.

Но существуют и другие возможности воздействия идей на реальность и проявления их власти. В социологии и исследованиях СМИ для обозначения определения проблем и подходов к их решению утвердилось понятие *фрейминга* (framing; Goffman, 1974; Hajer, 1995). Как мы знаем, *фреймы* не только очерчивают определенные фрагменты реальности, которым затем уделяется повышенное внимание, но и предоставляют схемы интерпретации, которые используются в процессе поиска, восприятия, обозначения и оценки (Entman, 1993). При помощи фреймов акторы определяют проблемы, устанавливают причины, находят решения и дают нравственные оценки. Фреймы имеют ключевое значение для определения причин, а также содержат в себе моральные суждения. Они предоставляют и обосновывают предлагаемые решения, а также дают прогнозы относительно предполагаемых последствий. В этом смысле можно сказать, что идеи сами по себе обладают властью. Это означает, что если бы та или иная политическая тема была определена каким-то другим образом, то мы наблюдали бы иную последовательность событий, что (по всей вероятности) привело бы к другому результату. В другом варианте подобной аргументации в сфере политологии утверждается, что способ определения проблемы решающим образом влияет на ее решение (Schattschneider, 1960).

Однако в первую очередь *фреймы* должны быть сконструированы и внедрены в политический процесс. На этом этапе политические акторы, журналисты, политические и научные элиты могут играть решающую роль. Они должны придерживаться схожих позиций для того, чтобы *фреймы* были ориентированы на конкретные политические проекты и партии. Как пишет Хернс (Hernes, 2008: 263), «ты можешь выбрать противников, но не союзников, но некоторых нежелательных союзников ты можешь отпугнуть альтернативами, на которых ты остановишь свой выбор».

Петер Хаас предложил свою модель объяснения координации действий в международной политике. Эта модель, основанная на понятии «эпистемические сообщества», привлекла внимание научной общественности. Хаас утверждает, что знаниям тяжело найти отклик у власти: «Даже когда ученые думают, что они разрабатывают свои истины для власти, власть, как правило, не проявляет к этим истинам никакого интереса» (Haas, 2004: 570). Когда же власть прислушивается к истине? Такое случается редко, уверяет Хаас (впрочем, не настолько редко, чтобы можно было полностью исключить такую возможность, как это делают многие политологи). Необходимым условием здесь является трансформация результатов научных исследований в «утилитарное знание», в «точную информацию, полезную для политиков и тех, кто принимает решения». Вполне в духе линейной модели Хаас утверждает: «Наука должна производить надежное знание, которое затем через ответственных

акторов должно передаваться политикам». В роли надежных трансмиссии как раз и выступают ученые со схожими убеждениями, т. е. *эпистемические сообщества* (Haas, 2004: 576).

Хаас дает следующее определение эпистемического сообщества: эти сообщества представляют собой «основанные на знании сети специалистов, которых объединяет общая вера в причинно-следственную связь, в проверку знания на достоверность и в основополагающие ценностные принципы, а также общие политические цели. Их позицию лучше всего, пожалуй, сформулировал один из членов такого сообщества, выразивший готовность “признать убедительность причинно-следственных взаимосвязей даже без уверенности в их наличии”» (Haas, 1992b: 187 и далее). В другом месте Хаас пишет: «По причине своей экологической сознательности члены этой группы выступают за принятие упреждающих мер, несмотря на целый ряд неопределенностей» (Haas, 1993: 176).

Хаас исходит из того, что влияние науки на политику тем сильнее, чем больше ее независимость. Сначала научное знание должно вырабатываться за защитным валом, а затем эпистемические сообщества должны передавать его тем, кто принимает решения. Далее, он исходит из того, что «те, кто принимает решения, осознают границы своих возможностей в преодолении новых обстоятельств и видят необходимость делегировать поиск решений авторитетным людям, считающимся экспертами в своей области» (Haas, 2004: 576). Это высказывание вызвало следующий комментарий: «Хааса воодушевило то, что в правительстве работает все больше научных экспертов и что власти в своих решениях все чаще учитывают технические ноу-хау. Но наиболее сильный заряд оптимизма он получил от самих ученых». К этому следовало бы добавить, что статистические данные, как правило, неоднозначны, а ученые разобщены в силу расхождения позиций по спорным общественным вопросам, как показывают примеры из области экологии и энергетики (Jacobsen, 1995: 302 и далее). Якобсен справедливо обращает внимание на то, что любые (а значит, и эпистемические) сообщества не склонны поощрять мнения, отклоняющиеся от магистральной позиции. Поэтому вера Хааса в критический потенциал сообщества экспертов-единомышленников вызывает оправданные сомнения.

При каких условиях эпистемические сообщества могут приобрести влияние в обществе? Адлер и Хаас (Adler & Haas, 1992: 380 и далее) утверждают, что «если у политиков нет заранее сформулированной позиции и рассматриваемый вопрос привлекает их внимание лишь на короткое время, то группы экспертов могут оказывать сильное влияние». Якобсен справедливо возражает: «Получается, что если проблема незначительна, значение экспертов возрастает – весьма привлекательная перспектива». В защиту Хааса и Адлера можно было бы сказать, что эксперты в подобных ситуациях выступают в качестве «составителей повестки дня» (agenda-setter). Именно они выносят определенные темы на рассмотрение политиков. Якобсен это признает, отмечая, что тот, кто «убеждает акторов принять некое “определение ситуации”, начинает до известной степени контролировать результаты [...], ибо определение проблемы предопределяет способ ее решения» (Jacobsen, 1995: 292).

Итак, подход Хааса опирается на два основополагающих допущения: во-первых, те, кто принимает политические решения, обращаются к специалистам для того, чтобы снизить уровень неопределенности; во-вторых, те, кто принимает политические решения, действуют на основании консенсуса среди экспертов. Существуют и другие, более эффективные возможности управления в условиях неопределенности, однако Хаас оставляет их без внимания. Во-первых, эпистемические сообщества реагируют на возникающие проблемы через посредничество других акторов, например через НГО (см. Toke, 1999). Во-вторых, необходимость в общей научной основе не так велика, как предполагает Хаас. Мы часто наблюдаем ситуацию раскола среди экспертов. Неопределенность по определению означает, что в научном мире всегда существует, по меньшей мере, две конкурирующие теории (Elster, 1979: 384). Это говорит о том, что для тех, кто принимает решения, проблема только услож-

няется, но никак не упрощается. В то же время это открывает дорогу другим, некогнитивным механизмам, которые могут сыграть свою роль в борьбе за правильные политические решения. Первый аспект свидетельствует о том, что Хаас недооценивает потенциал гражданского общества в его инициативных действиях; второй аспект показывает, что он переоценивает когнитивные способности эпистемических сообществ и их влияние на общественную политику (к мнению Хааса относительно МГЭИК мы еще вернемся в заключительной главе).

Политика знания

В этом разделе мы хотим обратить внимание читателя на то, что знание не «влияет» на политику автоматически, само по себе. Для кого-то это означает, что такое влияние невозможно, для кого-то – что оно нежелательно. По мнению Линдблома, «синоптическая позиция», если она воплощается в практических действиях, не только невозможна, но и вредна.

Пильке (Pielke, 2007) и Заревиц (Sarewitz, 1998, 2004) в своих работах убедительно показали, что политики по своему разумению «выхватывают» из научных исследований те результаты, которые соответствуют их политическим задачам, и направляют внимание общественности на ту информацию, которая представляет в выгодном свете их воззрения или политику. Существует слишком много разных объективностей и слишком много разных результатов исследований, которые можно использовать для различных политических альтернатив. Больше количество исследований открывает больше возможностей. Каждый надеется решить проблему неопределенности, увеличив количество научных исследований. Однако эта надежда не оправдывается. Научные результаты в основном используются для легитимации политических опций, существовавших еще до появления новых результатов исследования. Стивен Краснер (Krasner, 1993: 238, 257) увидел в этой позиции восприятие «идей как анкера»: «Идеи не отрывают новых альтернатив, не существовавших прежде, они легитимируют политическую практику, которая уже является свершившимся фактом. Идеи – это один из нескольких инструментов, используемых актерами для отстаивания собственных интересов [...]. Лишь после того, как идеи интегрируются в институциональные структуры, они начинают оказывать реальное воздействие на политическое поведение».

Коллингридж и Рив (Collingridge & Reeve, 1986) также указывают на наличие ситуаций, в которых политический консенсус имеет место до проведения научного исследования. Результаты исследования в таком случае лишь легитимируют уже predetermined опции¹⁰. Политические решения принимаются в результате переговоров и поисков компромисса. «Компромисс такого рода не требует практически никакой технической информации». Почему же тогда такое количество экспертов от науки задействованы в качестве консультантов и почему правительства стараются привлечь к процессу принятия решений как можно больше специалистов? Дело в том, что группы с различными интересами пытаются заблокировать друг друга при помощи «своего» знания, претендующего на истинность:

В этом смысле научные исследования и анализ играют не героическую роль, обеспечивая политику истинным знанием, а скорее ироническую, не позволяя политике опираться главным образом на технические заключения. Исследование одной гипотезы призвано уравновесить исследование другой гипотезы, с тем чтобы дать возможность реализации политики, равнодушной ко всем научным предположениям (Collingridge & Reeve, 1986: 32)¹¹.

¹⁰ Говоря о научно-консалтинговых учреждениях, они предлагают два сценария: (1) сверхкритическая политическая среда, в которой ученый и политики разобщены. В результате споры и технические дебаты не прекращаются никогда. (2) Докритическая политическая среда, в которой результаты исследований используются для оправдания существующих политических опций.

¹¹ Макс Вебер был одним из первых, кто обратил внимание на роль технических экспертов в процессе принятия политических решений. В «Хозяйстве и обществе» он пишет о «легально рациональном авторитете бюрократического аппарата» и о высоком статусе технического знания. Бюрократии не только накапливают знания, но и пытаются защитить это знание от «аутсайдеров» (ср. Weber, [1922] 1972: 990–993) и стремятся избежать публичного обсуждения используемых ими техник, в то время как люди, несущие политическую ответственность, постепенно превращаются в «дилетантов». Управлять экспертами и держать их под контролем могут только другие эксперты (Weber, [1922] 1972: 994). Но кто

По сути, Коллингридж и Рив (Collingridge & Reeve, 1986: 28) утверждают, что политические решения никогда не принимаются с учетом предположений научного сообщества и что те, кто принимает такие решения, и не должны прислушиваться к научным гипотезам. Это утверждение перекликается с аргументацией Линдблома, Заревица и Пильке. Правильные политические решения должны быть гибкими и допускать возможность пересмотра; кроме того, негативные последствия для здоровья населения и окружающей среды в случае ошибки должны быть минимальными.

Барри Барнс указывает на слабые места подобной аргументации. По мнению Коллингриджа и Рива, политические дебаты не зависят от научных исследований или предшествуют им. Интересы участников в этих дебатах не зависят от знания. Барнс видит в этом допущении грубое искажение действительности: «Цели и интересы формулируются в контексте имеющегося знания» (Barnes, 1987: 561). Такой же точки зрения придерживаются все те, кто исследует отношение между идеальными и материальными аспектами социального действия. Наибольшую известность приобрела теория Макса Вебера, объясняющая значение религиозных идей для научных интересов (Parsons, 1938). Фуко также указывал на роль дискурсивных формаций, включающих в себя материальные интересы и системы идей. Интересы не могут быть определены независимо от идей (Clegg, 1989). В свою очередь, Питер Холл (Hall 1989) подчеркивает, насколько важны идеи при определении собственных интересов. Проникая в политическую сферу, новое знание способно дестабилизировать существующие социальные отношения. Когда эти отношения разрушаются, возникает необходимость в новом определении интересов. Есть и еще одна причина, почему идеи играют столь важную роль: в публичном дискурсе приемлемы не все аргументы. Недостаточно сослаться на собственные корыстные интересы за исключением тех случаев, когда можно доказать, что эти интересы связаны с аспектами честности или справедливости. Если личный интерес поддерживается научными данными, то они также являются легитимным аргументом. По этой причине знание, и прежде всего научное знание, считается важным ресурсом.

Следует подчеркнуть еще один момент: хотя научные изыскания редко или даже никогда не определяют политический курс (как это постулируется в линейной модели), тем не менее, они играют важную роль при расстановке политических приоритетов. В политическом процессе имеет значение то, *о чем* думают люди, а также *каким образом* они думают о тех или иных вопросах. Здесь тоже важна формулировка проблемы в начале дискуссии, ибо она может иметь продолжительное влияние на ее ход.

Возможно, мы сможем лучше понять интересующую нас проблему, если будем различать научные исследования и экспертизу. Зачастую оба эти понятия используются как синоним (мы тоже отчасти следуем общепринятому словоупотреблению). Коллингридж и Рив правы в том, что отдают предпочтение понятию «исследование»: ученые проводят исследование, и его результаты публикуются в специальных журналах. Впрочем, как правило, они хранятся без употребления в тех или иных базах данных. Вероятность того, что они хоть как-то повлияют на политику, равна нулю. Но этот аргумент теряет свою силу, если заменить понятие «исследование» понятием «экспертиза». Эксперты как раз и переводят результаты исследований в те или иные области употребления. Они выступают в качестве маклеров: именно они доводят научные знания до своих клиентов и широкой общественности (Stehr & Grundmann, 2010). В современном обществе сложно себе представить принятие политических (или важных частных) решений без подключения экспертов.

контролирует административный аппарат? Вебер полагает, что со стороны неспециалистов подобный контроль возможен только до известной степени. В целом профессиональные чиновники умеют лучше отстаивать свою позицию, чем их номинальный начальник – министр, не являющийся специалистом (Weber [1922] 1972: 338).

Мы предлагаем понимать под знанием способность и возможность приводить в движение те или иные процессы¹². По отношению к реальности знание является моделью. Так, например, данные социальной статистики – это не только отражение общественной реальности, но и трактовка ее проблем. Они касаются того, что могло бы быть, и в этом смысле дают возможность для осуществления действий.

Результаты исследований и научных изысканий не являются сугубо пассивным знанием. Знание следует рассматривать как первый шаг на пути к практическим мерам. Знание в состоянии изменить реальность. Наш выбор понятий основывается на знаменитом высказывании Фрэнсиса Бэкона «*Scientia est potentia*», что часто, но не совсем верно переводят как «Знание – сила». Бэкон утверждает, что чрезвычайная полезность знания его проистекает от его способности приводить вещи в движение. В понятии *potentia*, что означает «способность», как раз и раскрывается «сила» знания. Знание есть созидание. Человеческое знание – это знание правил действия и, соответственно, возможность вызывать те или иные процессы или создавать те или иные вещи. Таким образом, успехи или результаты человеческих действий могут фиксироваться по тому, как меняется окружающая действительность, и, по крайней мере, в современном мире реальность все в большей мере основывается на знании. Знание не является силой в значении актуальной власти; знание есть потенциальная власть¹³. Следовательно, мы должны различать саму способность принимать те или иные меры и применение этой способности. Рассмотрим это различие подробнее.

Знание только тогда выполняет «активную» функцию, когда принимаемые меры не укладываются в стереотипные параметры (Макс Вебер) или их реализация регулируется принципиально иным образом¹⁴. Активную роль знание играет только тогда, когда по каким бы то ни было причинам присутствует свобода решений или необходимость их принятия¹⁵. Поэтому для Карла Мангейма (Mannheim, 1929: 74) социальное действие имеет место только там, «где еще не началось рационализированное пространство, где нет установленных ситуаций, вынуждающих к принятию определенных решений»¹⁶. Применительно к конкретным случаям это означает:

Бюрократ, расправляющийся с пачкой официальных бумаг согласно данным ему предписаниям, не совершает действия. Не совершает действия и судья, подводящий то или иное дело под соответствующий параграф, и фабричный рабочий, изготавливающий шуруп строго по инструкции, и по

¹² Мы не утверждаем, что такое определение применимо только к знанию. В социальном контексте когнитивные содержания не обладают монополией в отношении способности человека к действию. Схожую функцию могут выполнять социальные нормы, потребности или тенденции (см. Loyal & Barnes, 2001).

¹³ Изначально слово «власть» («die Macht») обозначает способность, а одним из основополагающих определений способности является возможность проведения различия. В этом значении, а не в том, в котором власть обычно рассматривается в контексте социальных отношений, а именно как реализованная власть над кем- или кем-либо, определение власти как способности соотносится с определением знания как осуществления (ср. Dryberg, 1997: 88–89).

¹⁴ На основе допущения о том, что знание есть способность действовать, можно выделить несколько форм знаний в зависимости от того, какие именно способности к действию в них воплощены. Примером подобного функционального различения форм знания может служить предложенное Лиотаром (Lyotard [1979] 1983: 6) различие «знания как инвестиции» и «знания как платежа», по аналогии с финансовыми затратами на инвестиции и непосредственное потребление.

¹⁵ Проведенный Никласом Луманом (Luhmann 1992: 136) анализ условий принятия решений допускает еще более широкое применение знаний: «Принятие решений возможно только тогда и только в той мере, когда и в какой мере отсутствует определенность в отношении дальнейших событий». Учитывая, что будущее в высшей мере неопределенно, знания в процессе принятия решений применяются во многих социальных контекстах, включая и те, которые, как правило, подразумевают исключительно рутину и привычное поведение.

¹⁶ С точки зрения интеракционистов, все организации и социальные структуры представляют собой «договорные порядки» («negotiated orders») (Strauss et al., 1964: 1978). Это, однако, не означает, что всякий аспект социальной реальности той или иной организации постоянно или же с точки зрения определенных ее членов может быть определен по-новому. В действительности это касается лишь определенных и, по всей вероятности, узко ограниченных взаимосвязей, и в отношении этих контингентных условий действия знание может быть мобилизовано в форме планирования коллективных целей.

сути даже инженер, комбинирующий законы природы ради той или иной цели, не совершает действия.

Все эти формы поведения следует называть репродуктивными, поскольку осуществляются они в рамках рационализированной структуры, в соответствии с предписаниями, без принятия личного решения (Mannheim, 1929: 74)¹⁷.

Таким образом, для Мангейма проблема отношения между теорией и практикой возникает только в определенных ситуациях. Разумеется, ситуации, которые полностью рационализированы и повторяются в одном и том же виде из раза в раз, тоже не исключают некоторых «иррациональных» (т. е. открытых) моментов. Однако важно подчеркнуть, что речь здесь идет об условиях знания, причем знания в значении результата человеческих действий. Знание может привести к тем или иным социальным действиям, но в то же самое время оно само есть результат социальных действий. Среди прочего это говорит о том, что способность к действию отнюдь не тождественна фактическому действию, т. е. знание еще не есть действие¹⁸.

Значение научных открытий для общества заключается в первую очередь в способности использовать знание в качестве возможности действия. Знание обладает способностью изменять реальность. Действие же, как подчеркивает в том числе и Мангейм, – это не что иное, как результат сравнительно устойчивого репертуара отдельных поступков или способов поведений, возникающих при наличии определенных поводов. Это, безусловно, не относится ко всем ситуациям, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни или в нерутинных контекстах действия. Как подчеркивает Фридрих Тенбрук (Tenbruck, 1986: 95), все люди «время от времени оказываются в новых ситуациях, в которых неприемлемы автоматические, закрытые способы поведения и привычки. В этих случаях имеет значение, какие элементы ситуации заданы, а какие – нет». Но и стабильные элементы социальных отношений, известные как «структурные» атрибуты действия и воздействующие на действие в виде внешней «силы», могут рассматриваться как ряд допустимых опций действия, открытых для определенных групп и лиц.

Поэтому качества, которыми должны обладать результаты исследований – способность повышать спрос на новое знание, влиять на оценку полученных результатов и их реализацию на практике – решающим образом зависят от предполагаемой открытости ситуации. Вероятность реализации знания как способности к социальному действию является важным результатом соответствия (в самом широком смысле этого слова) между характером и содержанием знания и теми элементами ситуации, которые считаются открытыми, т. е. поддаются контролю или манипуляции со стороны тех или иных акторов (см. об этом подробнее Stehr, 1991).

¹⁷ Хайек прославляет децентрализацию, подчеркивает значение локального знания (knowledge in place) для действия и системы ценообразования, которая транслирует информацию и подводит к решению вопроса об условиях координации ситуативных действий. Кроме того, Хайек (Hayek [1945] 1976: 82) обращает внимание на то, что экономические проблемы всегда «возникают только в результате тех или иных изменений. Пока все остается так, как есть, или, по крайней мере, развивается не иначе, чем ожидалось, не возникает новых проблем, требующих решения, а также не встает вопрос о необходимости нового плана действий».

¹⁸ В одном из недавних экономических исследований был предпринята попытка представить знание в количественном выражении и интегрировать его в экономические теории. В некоторых аспектах этого исследования обнаруживается сходство с нашим определением знания как способности действовать: «Я определяю знание как возможное наблюдаемое поведение, как способность человека или группы людей предпринимать действия, результат которых – предсказуемое изменение материальных объектов» (Howitt, [1996] 1998: 99). Даже если не принимать во внимание тяжеловесную формулировку этого определения, ограничение понятия «знание» материальными объектами – это уже шаг назад и возвращение к концепции «черного ящика», оперирующей понятиями «процедура» и «наблюдаемое поведение». В конечном итоге Хауит все же склоняется к отождествлению знания с действием.

Отсюда следует необходимость различать «знание для практики» и «практическое знание», тем более что прагматическая релевантность знания не дана *a priori*, т. е. знание совершенно необязательно способно воплотиться в действии или стать «естественным» практическим знанием. В этой связи мы снова хотим отослать читателя к концепции Карла Мангейма (Mannheim [1929] 1965: 143), который в своем исследовании «Идеология и утопия» попытался сформулировать проблемы и вопросы «науки политики». В этом контексте очевидно, что для успешного «применения» научных познаний в конкретных ситуациях действия необходимо, чтобы возможности действия и понимание акторов того, в какой мере они могут повлиять на ситуацию действия, были связаны между собой. Только в этом случае знание может стать практическим знанием.

Для понимания практического знания и реализации этого знания необходимы, с одной стороны, конкретные результаты исследований и, с другой стороны, возможность контроля над условиями ситуации действия. Способность применять результаты научного познания можно считать способностью изменять ситуативные условия, тогда как само знание есть способность к действию.

Таким образом, в современных обществах существует некая сфера пересечения возможностей влияния на события путем принятия тех или иных мер. Именно в этой сфере занята постоянно увеличивающаяся группа консультантов и экспертов, транслирующих научное знание (Stehr, 1992; Stehr & Grundmann, 2010). Их деятельность необходима для установления связи между комплексным, постоянно меняющимся и растущим багажом научного знания и теми, кто хочет использовать этот багаж в своих действиях. Сами по себе идеи не «переходят» от одного человека к другому, подобно денежным купюрам. Знание привязано к конкретным индивидам и «социальным сетям». Различные интерпретации сначала должны прийти к некому «выводу», и только после этого они могут стать способностью к действию (Витгенштейн) и, в конечном итоге, практическим знанием.

Именно эту функцию – отсечение рефлексии или «снятие» барьеров к непосредственному применению результатов научного познания, в результате чего они могут стать основой для конкретных мер – в современном обществе знания выполняют эксперты. Социальный престиж и влияние экспертов и консультантов особенно велики, если их ноу-хау касаются доступа к результатам научного познания, которые могут быть использованы в процессе принятия решения и тем самым как-то повлиять на ситуацию¹⁹.

¹⁹ Примечание относительно терминологии: для описания этих ролей мы используем понятия «эксперт», «консультант» и «политический предприниматель». Эти понятия не являются синонимами, а отсылают к разным аспектам одной и той же роли, охватывая широкий диапазон, начиная от более пассивной роли эксперта и заканчивая более активной ролью «провидца».

Вывод

Проведенный нами анализ существующей литературы показывает, что среди представителей социальных наук нет единого мнения в отношении возможного влияния знания на политику. С одной стороны, можно выделить сторонников рационального понимания политики, согласно которому чем больше и лучше имеющиеся знания, тем лучше результаты политических мер. Такая концепция часто подразумевает также, что консенсус в области знания упрощает политические действия. Свою интерпретацию и критику этой концепции мы провели на примере работ Ласуэлла, Каплана, Гормли и Хааса. Им противостоят представители другой концепции, согласно которой политика в целом не зависит от результатов научного познания, что, впрочем, является не недостатком, а, скорее, преимуществом. В этом ключе свою аргументацию выстраивают Линдблум, Коллингридж и Рив, а также Пильке и Заревитц.

Мы же, напротив, пытаемся показать, что знания действительно могут обладать властью, т. е. могут воздействовать на реальность разными способами. Во-первых, знания могут выступать в форме идей, предоставляющих интерпретации ситуаций (фреймы) и определяющих проблемы, тем самым влияя на их решения. Именно поэтому делегаты, «рупоры», представляющие те или иные интересы, *claim makers* имеют огромное влияние на политический процесс. В этой роли могут выступать эксперты или профессиональные политики. В отличие от исследователей, чья деятельность относится к сугубо научной сфере, эксперты могут иметь влияние на стыке науки и политики. В этой связи очевидно, что мы склоняемся, скорее, ко второй из приведенных выше точек зрения, когда обращаем внимание на то, что использование понятий «фрейм» и «эксперт» вносит изменение в обе концепции.

Другая возможность влияния через знания появляется тогда, когда само знание содержит в себе возможности действия в связи с конкретным проблемным случаем. Как видно из исследований, проведенных Вебером, Мангеймом и Хернсом, значимым для действия знание может стать только тогда, когда в принципе существуют различные варианты действий и можно выявить практические рычаги, с помощью которых можно дать ход тем или иным процессам. При этом остается открытым вопрос о том, насколько велик «когнитивный авторитет» тех, кого мы называем «*claim makers*», и насколько важен этот авторитет. В своих эмпирических исследованиях мы пытаемся найти ответ на этот вопрос.

Глава вторая

Кто спас капитализм: власть экономического мышления

Экономика – это наука, мыслящая моделями, в сочетании с искусством выбирать те модели, которые значимы для реального мира.

Джон Кейнс (Keynes, 1938: 296)

Наша цель в этой главе – проследить влияние экономических идей Кейнса на экономическую политику. При этом нас интересует не только то обстоятельство, что знания или идеи могут играть важную роль в политэкономии. Несмотря на то, что роль идей в политике часто оценивается как менее важная, чем роль так называемых структурных факторов, мы попытаемся уделить особое внимание взаимосвязи между знаниями и структурой. Знания делают действие возможным, а структура ограничивает знания в значении способности к действию.

Мы утверждаем, что экономические идеи, содержащие в себе значимые для политики знания, должны быть нацелены на те характеристики политической, социальной и экономической ситуации, которые подлежат контролю со стороны соответствующих учреждений, а не являются «внешними» параметрами, не поддающимися никакому воздействию. Иногда от влияния на такого рода «внешние» параметры, не подлежащие контролю со стороны отдельного государства, отказываются добровольно, как это происходит в случае наднациональных организаций, таких как Европейский Союз, или же они являются результатом преобразований, изначально ограничивающих суверенность национальных институтов, поскольку последние не в состоянии контролировать эти важные преобразования (ср. Dahl, 1994). В том случае, если внешние изменения, которые не может контролировать отдельно взятая страна, затрагивают внутреннюю экономическую политику, очевидно, что знания, никак не учитывающие это обстоятельство, вряд ли лягут в основу политического действия.

Будут ли знания, о которых можно сказать, что они «делают возможным» политическое действие, на самом деле восприняты «практиками», как Кейнс называет правительства, политиков и чиновников, и использованы для реализации политических целей, зависит не только от самих идей. Здесь играет роль целое множество факторов, включая представление о том, действительно ли данное знание способствует решению проблемы и может ли это решение быть реализовано при помощи уже существующих инструментов.

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что экономические идеи Джона Мейнарда Кейнса имели огромное влияние во многих странах, особенно после второй мировой войны. Нас интересует прежде всего вопрос о том, благодаря каким ключевым характеристикам кейнсианская теория в определенный период была воспринята как полезная политиками различных стран, верных капиталистическому мировоззрению. Очевидно, что времена «героического» влияния кейнсианских идей прошли. Можно ли считать утрату их влияния на политику отражением интеллектуальной «моды» (ср. Hall, 1989b: 4) – этот вопрос будет интересовать нас в рамках нашего исследования причин власти данной экономической теории.

Но для начала необходимо, по крайней мере, в общих чертах изложить суть кейнсианской теории в интеллектуальном и социальноэкономическом контексте. При этом мы,

однако, не будем касаться «кейнсианства»²⁰, т. е. многочисленных практических выводов из экономической модели Кейнса в разных национальных контекстах (см., например, Bombach et al, 1983) и в разные периоды, а также по существу формалистской кейнсианской экономики последних тридцати лет, разбитой на несколько «лагерей» (см., например, Davidson, 1978; Diesing, 1982: 114–119). Мы ограничимся исключительно Кейнсом и не будем рассматривать ни его эпигонов, ни дальнейших критических разработок его подхода, какими бы важными они ни были.

В своих изысканиях мы опираемся непосредственно на работы Кейнса и его деятельность в качестве консультанта, не вдаваясь в дискуссию специалистов о том, развивается ли его теория дальше или ее потенциал уже исчерпан. Интенсивный и подробный критический анализ работ Кейнса, а также детальных и не всегда очевидных интерпретаций и модификаций его идей были бы уместны в рамках дискуссии об истории экономических идей, но не в нашем исследовании практической эффективности экономического учения Кейнса.

²⁰ Дональд Уинч (Winch 1989) и другие аналитики неоднократно подчеркивали, что в данном контексте важно различать идеи, выдвинутые и поддержанные самим Кейнсом, и идеи его последователей.

Кейнс-экономист

Принято считать, что восприятие Джона Мейнарда Кейнса в качестве экономиста определялось прежде всего его интересом к вопросам экономической политики. Вот как сформулировал это расхожее представление Эрик Дж. Хобсбаум (Wattel, 1985: 3): «С момента своего яркого выступления перед общественностью с критикой Версальского мирного договора 1919-го года и вплоть до своей смерти Кейнс непрерывно пытался защитить капитализм от него самого» (см. также Schumpeter, 1949: 355 и далее; Robinson, 1956: 11)²¹. Подобная оценка вполне соответствует не совсем скромной самооценке Кейнса: говоря о значении своей теории и своей теоретической альтернативы неоклассической модели, он видит в них «единственный практический способ предотвратить распад существующих экономических форм» (Keynes, 1936: 380). С другой стороны, тот факт, что экономическая теория Кейнса нашла немало сторонников среди социал-демократов и деятелей профсоюзов²², показывает, что теория влияния кейнсианских идей гораздо сложнее, чем можно было бы предположить, исходя из высказывания Хобсбаума. Представления Кейнса породили гораздо более широкий диапазон интерпретаций. Так, например, в консервативном лагере Кейнс был предан анафеме за то, что он-де готовил почву для социалистической системы (ср. Coddington, 1974). Это еще раз иллюстрирует тот факт, что способы проявления практического влияния кейнсовской теории действительно сложны и разнообразны. Процесс распространения кейнсианских идей и возможные практические последствия не укладываются в модель, отражающую в общих чертах политические противостояния и расхождения в современном обществе. Впрочем, возможно, способы влияния, не совпадающие с традиционным разделением на политические лагеря, свидетельствуют о своеобразной произвольности идей Кейнса и, соответственно, об их открытости различным толкованиям.

Наиболее важные экономические работы Кейнса – это «Трактат о деньгах» («Treatise on Money», 1930) и «Общая теория занятости, процента и денег» («General Theory of Employment, Interest and Money», 1936). Опубликованы они были во время мирового экономического кризиса и сразу после него. Работу над «Общей теорией» Кейнс начал в 1932 году²³. К тому моменту уровень безработицы в Великобритании вот уже десять лет не опускался ниже уровня десяти процентов. До публикации «Общей теории» Кейнс на протяжении многих лет активно участвовал в дискуссиях о целях и мерах экономической политики (ср. Chick, 1987).

Тобин (Tobin, 1986: 15) указывает на то, что «в "Общей теории" Кейнс преследовал очевидную цель – подвести профессиональную аналитическую основу под те политические

²¹ Йозеф Шумпетер (Schumpeter, 1949: 356) утверждает, что то, что сам он называет «идеологическим элементом» в теории Кейнса, придало дополнительный импульс его идеям, поскольку без них невозможны «новые пути» в науке, а также объясняет их притягательность во времена Кейнса. Идеологические компоненты его учения Шумпетер описывает как «видение разлагающегося капитализма, который является причиной упадка целого ряда потенциальных характеристик современного общества».

²² Деятелей профсоюзного движения привлекали и, несомненно, привлекают до сих пор теории отставания общественного потребления от общественного производства, поскольку они могут служить убедительным аргументом в борьбе за повышение зарплат, создавая при этом видимость личной незаинтересованности. Однако делать отсюда смелый вывод, как делает его О'Коннор (O'Connor, 1984: 202), о том, что кейнсианская теория, по крайней мере, отчасти есть «непреднамеренный результат борьбы рабочего класса», а значит, не только «доктрина, обосновывающая его требования», мы считаем преувеличением.

²³ См. письма Кейнса, а также примечания редактора Дональда Моггриджа к ним в: Keynes [1973] 1981: 172, 243, 337. Моггридж указывает еще на два «внешних» повода, которые, возможно, побудили Кейнса приступить к написанию «Общей теории»: это, с одной стороны, то, как его «Трактат о деньгах» был воспринят в научной сфере, и дискуссии, посвященные тому же трактату, в так называемом «кембриджском кружке», куда входили преимущественно молодые экономисты (ср. Keynes, [1973] 1987: 338–343).

позиции, которые он отстаивал в дискуссии». Интерпретация Тобина, безусловно, верна: сам Кейнс во введении к «Общей теории» дает понять, что в ней он обращается в первую очередь к своим коллегам-экономистам. И тут же (Keynes, 1936: v) добавляет, что главное предназначение «Общей теории» – «рассмотрение сложных теоретических вопросов, и только во вторую очередь – приложение этой теории к действительности».

В то же время можно согласиться и с Адольфом Лове (Lowe, 1977: 128), который не без основания утверждал, что «Общая теория» Кейнса знаменует собой переход от «чистой» к «политизированной» экономике, несмотря на то, что этот теоретический текст содержит всего несколько явных указаний на конкретные меры экономической политики²⁴. В любом случае сегодня в ретроспективной интерпретации «Общей теории» Кейнса господствует мнение, согласно которому данное исследование является частью практически ориентированной экономической теории.

В целом обстоятельства написания «Общей теории», на наш взгляд, подтверждают тот факт, что важные теоретические открытия и новые концепции в экономике часто возникают в результате напряженных размышлений и «интуитивных» поисков решений современных практических проблем. Во всяком случае, «Общая теория» была написана на пике интереса Кейнса к актуальным вопросам экономической политики (ср. Schumpeter, 1954: 1157; Steindl, 1985: 105–109).

²⁴ Теперь в центре внимания экономической теории оказываются не только «те ситуации, где по сути нет необходимости в теоретической ориентации, поскольку система автоматически функционирует бесперебойно» (Lowe, 1965: 98).

Экономическая теория

«Общая теория» Кейнса знаменует собой переход к новой парадигме в современной экономической теории²⁵. Кейнс предполагает, более того, он почти уверен, что его теория носит революционный характер. Книга еще не готова, а Кейнс уже пишет в письме Джорджу Бернаруду Шоу: «Я думаю, что книга по экономической теории, над которой я работаю, произведет революцию в изучении экономических проблем во всем мире – полагаю, не сразу, а в течение последующих десяти лет». Суть совершенного Кейнсом прорыва полностью соответствует современному пониманию теоретической революции, сформировавшемуся под влиянием работ Томаса Куна: это прежде всего «сдвиг»²⁶ основных экономических понятий и новая понятийная классификация экономических явлений (ср. Harrod, 1951: 462 и далее; Lowe, 1977).

Тот факт, что главная работа Кейнса была написана после глобального экономического кризиса, имевшего серьезные социальноэкономические последствия, и была основана на личном опыте Кейнса как участника дискуссий об экономической политике и одновременно биржевого спекулянта, можно считать значимым во многих отношениях²⁷. Так, например, то, что свой диагноз Кейнс выстраивал с учетом депрессивной фазы экономической конъюнктуры, безусловно, имело большое значение для предложенных им политических мер.

Разумеется, эта взаимозависимость стала поводом для последующих споров среди экономистов на тему «универсальности» кейнсианского диагноза и основанных на нем задач экономической политики. С другой стороны, если говорить об условиях развития общественно-научного знания, пример Кейнса, по-видимому, позволяет сделать общий вывод о том, что значимые когнитивные инновации в социальных науках могут рассматриваться либо как реакция на сформировавшиеся внутри профессии интеллектуальные традиции, либо как результат размышлений о внешних значимых событиях и кардинальных изменениях в обществе. Если подобное разделение в принципе осуществимо и имеет смысл, то во втором случае с высокой долей вероятности можно предположить, что разрыв между новыми теоретическими изысканиями и решениями, с одной стороны, и устоявшейся профессиональной теоретической традицией, с другой стороны, будет особенно большим. Если же говорить о причинах возможности или невозможности практического применения общественно-научного знания как способности к действию, то здесь также можно предположить, что если это знание возникло как непосредственная реакция на практические проблемы, то у него больше шансов с самого начала быть ближе к «практике». Во всяком случае, это наблю-

²⁵ Разумеется, не все профессиональные экономисты разделяют точку зрения, согласно которой теория Кейнса знаменует собой решительный разрыв со старой экономической теорией. Кто-то считает, что этот разрыв был недостаточно решительным (например, Brothwell, 1988), а кто-то не видит в нем достаточной интеллектуальной новизны, которая бы позволила назвать Кейнса революционером.

²⁶ посылки и воплощения теоретической инновации и фантазии. Говоря о Кейнсе, Питер Холл (Hall, 1989: 365) (вполне в духе Шёна) отмечает, что «новые идеи особенно влиятельны [...] в том случае, если они меняют основополагающие категории, сквозь которые мы наблюдаем реальность, а после Кейнса мир экономики уже никогда не был таким же, как прежде».

²⁷ Доходы и потери Кейнса от спекуляций на рынке акций были огромны. В 1927 году его состояние оценивалось примерно в 44.000 фунтов стерлингов (около одного миллиона в пересчете на цены 1992 года). К концу 1929 года его состояние уменьшилось до 7.815 £ (почти 180.000 £ в пересчете на цены 1992 года). В середине 1930-х годов оно снова многократно увеличилось, а доходы Кейнса во много раз превзошли средний показатель прибыли на Уолл-стрит. У Скидельского (Skidelsky, 1992: 524) мы читаем: «До 1936 года чистая стоимость его имущества перевалила за 500.000 фунтов, что соответствует примерно тринадцати миллионам, с учетом нынешних цен. Его капитал увеличился более чем в двадцать раз, и это в то время, когда курсы акций на Уолл-стрит увеличились всего в три раза, а в Лондоне оставались практически неизменными».

дение уже говорит о том, что мы имеем дело с важным аспектом общественно-научного знания, который следует учитывать при оценке практической эффективности этого знания.

По сути, макроэкономика и, соответственно, характерный для современной экономики интерес к определенным совокупным показателям циклов развития народного хозяйства берут свое начало с работ Кейнса. Адольф Лове (Lowe, 1977: 220), сравнивая учение Кейнса с неоклассической экономической теорией, именно в этом смещении основных компонентов видит гарантию большей инструментальности кейнсианства: «за счет того, что бесчисленные микро-связи в модели Вальраса были заменены несколькими основополагающими макро-связями, Кейнс в своей “Общей теории” приходит к предложениям, которые несложно проверить статистически и которые, что не менее важно, могут служить практическим инструментом в процессе принятия политических решений».

Понимание народного хозяйства уже не зависит от решения автономных индивидуальных субъектов экономики. У народного хозяйства (как объекта познания) есть своя собственная, независимая динамика (ср. Diesing, 1982: 83). Смещение теоретического интереса с индивидуальных параметров на коллективные, безусловно, имело своих предшественников в области социологии и антропологии²⁸.

Отправной точкой рассуждений Кейнса стала критика исходного допущения неоклассической экономики, согласно которому развитые капиталистические системы стремятся к равновесному состоянию при полной занятости населения. Впрочем, во многих интерпретациях и изложениях учения Кейнса упускается из виду тот факт, что Кейнс обеспокоен не только отсутствием полной занятости, но и несправедливым распределением доходов и богатства. В связи с этим Кейнс полагает, что его теория ставит под сомнение целый ряд экономических аргументов, которые часто используются для оправдания функциональности подобного распределения богатства. Он убежден, что с его теорией совместимо менее выраженное экономическое неравенство.

Кейнс выступает против ортодоксального представления о том, что механизм ценообразования автоматически обуславливает «нормальное состояние», т. е. полную занятость, что распределение доходов отражает предельную полезность отдельных факторов производства (т. е. капитала, труда и земли), а экономический рост можно считать гарантированным. Классическая теория занятости выражена в двух тезисах:

(а) Решения о накоплениях и инвестициях являются функцией процентных ставок в стадии полной занятости в состоянии равновесия;

(б) равновесие спроса и предложения на рынке труда регулируется реальными расходами по заработной плате (их номинальная изменчивость имеет нижнюю границу).

Кейнсианская концепция экономического действия и важнейших, в первую очередь психологических факторов, определяющих его ход, принципиально отличается и от неоклассического, рационалистского представления о *homo oeconomicus*. Кратко это отличие можно сформулировать так: Кейнс отмечает особое значение пластичности экономического действия и влияние множества не поддающихся учету факторов или «иррациональных» мотивов (ср. Schmolders et al., 1956). В кейнсианской теории экономического действия подчеркивается контингентность ожиданий, значение обычаев и условностей, а также влияние спекулятивного поведения на экономические решения. В более подробном изложении разработанная Кейнсом макроэкономическая теория отличается от своих неоклассических предшественников прежде всего в следующих аспектах²⁹:

²⁸ Такая интерпретация и акцент на нерациональных составляющих экономических решений в теории Кейнса привели к тому, что его работу стали критиковать как «слишком социологическую» (см., например, Brunner & Meltzer, 1977)

²⁹ Классическое изложение этих различий см. в: Hicks, 1937.

- В кейнсианском подходе делается акцент на особом значении инвестиционных решений для уровня занятости и экономического роста. На такого рода решения определяющее влияние оказывают недостоверные или даже спекулятивные ожидания предпринимателей относительно будущих показателей. Кроме того, за счет мультипликаторного эффекта инвестиции стимулируют спрос. Однако для капиталистических экономик характерна внутренняя нестабильность. Соотношение инвестиций и сбережений есть проявление экономического поведения различных акторов³⁰, и слишком высокая доля сбережений может оказаться препятствием в инвестиционной деятельности.

- Кейнс не считает важнейшим экономическим измерением тот аспект экономического действия, который связан с предложением. Он утверждает, что решающую роль в экономическом цикле играет спрос, и тем самым ставит под вопрос все предыдущие теоретические системы и в первую очередь закон Жана-Батиста Сэя. В теории Кейнса потребление уже не является функцией предложения; предложение не создает спрос, а само регулируется спросом. Предлагаемые услуги и товары являются функцией спроса (Keynes, 1936: 21 и далее; ср. также Drucker, [1981] 1984), и поэтому спрос может быть недостаточным. В связи с этим Кейнс, вопреки положениям неоклассической теории, как она представлена, например, в работах Фридриха Хайека и других представителей так называемой австрийской школы политической экономии, приветствовал государственные меры по поддержанию потребительского спроса в период низкой конъюнктуры.

- Деньги Кейнс уже не рассматривает как нейтральное средство взаимодействия. В своей теории он пытается соединить теорию стоимости и теорию денег. Так, например, процентные ставки национальной экономики того или государства определяется отношением денежного спроса и предложения для спекулятивных целей.

- В центре всей макроэкономики Кейнса стоит теория занятости. Полную занятость Кейнс рассматривает как особый случай и допускает равновесное развитие национальной экономики при неполной занятости. В его понимании, безработица возникает не по причине добровольного отказа от трудовой деятельности, как утверждает неоклассическая теория (часть рабочих отказываются работать по причине слишком низкой реальной заработной платы), а вследствие особого экономического статуса рабочего, который не в состоянии определять размер реальной заработной платы.

- Кейнс опровергает неоклассический тезис о том, что распределение доходов в экономической системе есть функция предельной полезности отдельных факторов производства.

Резюмируя отличия теории Кейнса от неоклассической экономики, можно сказать, что его «Общая теория» отражает кардинальные изменения в самом экономическом процессе капиталистических систем. До начала XX-го века взаимодействие предложения и спроса на товары и услуги, т. е. товарная экономика, являлось важнейшим элементом экономического процесса со своими собственными внутренними законами. Предложение и спрос на товары и услуги были, так сказать, независимыми переменными экономического цикла. Кейнс (Keynes, 1936: VII) сам указывает на это радикальное отличие. Он подчеркивает, что его теория, в отличие от неоклассической теории, изучает «монетарную» или символическую экономику, т. е. в первую очередь предложение денег, кредиты, дефициты и превышение доходов над расходами в бюджете, процентные ставки и т. д. Это дает основание утверждать, что кейнсианская интерпретация экономических фактов представляет собой новую, оригинальную точку зрения: «Вместо товаров, услуг и труда – реалий физического мира или

³⁰ Ранние высказывания самого Кейнса ([1930] 1975), по крайней мере, отчасти, как, например, в его «Трактате о деньгах», перекликаются с традиционными подходами к этому вопросу: «Акт сбережения со стороны физического лица может вести либо к увеличению инвестиций, либо к увеличению потребления со стороны остальных членов данного сообщества».

”вещей” – у Кейнса в качестве экономических реалий выступают символы: деньги и доверие» (Drucker, [1981] 1984: 6).

Разумеется, подобный теоретический проект имеет смысл только тогда, когда монетарная экономика уже стала достаточно самостоятельной и, соответственно, способна оказывать существенное влияние на экономический процесс. Современные монетаристы (например, Милтон Фридман) утверждают, что со временем эта тенденция только усиливалась, и на сегодняшний день монетарная экономика является единственно реальной. Как бы то ни было, теория Кейнса отражает структурные изменения в капиталистической экономике; движение капиталов и инвестиционные решения превращаются в особый рынок, где действуют свои законы, а не законы товарной экономики (ср. Drucker, 1971: 56–59).

Политика и экономика

Некоторые наши самые талантливые экономисты, оказавшись в прошлом, не принесли бы никакой пользы правителю ни в военное, ни в мирное время, хотя политическая экономика как результат практических исследований и теоретической работы скорее способна дать необходимый совет.

Поль Э. Самуэльсон (Samuelson, 1959:188).

Чтобы оценить практическую эффективность кейнсианской теории (как в прошлом, так и в настоящем), прежде всего необходимо обозначить ключевые характеристики этой теории, чтобы затем привлечь их в качестве критериев для оценки их практической пользы. Подобное обозначение не может быть произвольным; оно должно базироваться на теории применения общественно-научного знания. Такая теория, в свою очередь, не должна ограничиваться расхожими схематичными представлениями, суть которых мы изложили в предыдущей главе. Насколько бесполезен подобный схематизм, видно уже по тому, как неумело представители такого подхода пытаются решить поставленную нами проблему. Сложно представить себе, чтобы они могли дать такой ответ о практической эффективности кейнсианской теории, который не был бы абсолютно случайным. По сути, традиционная теория способна дать только один ответ: успех кейнсианства граничит с чудом.

Для «общей» теории Кейнса характерно отсутствие частых и явных отсылок к релевантным экономическим аспектам – достаточно вспомнить о его теории занятости, универсальной по мнению самого Кейнса. С учетом наших задач кейнсианскую теорию можно свести к одному такому аспекту, а именно к открытию влияния инвестиционных решений на уровень занятости. Как мы видим, Кейнс далек от теоретического проникновения в то, что Липсет называет комплексным «общим системным поведением». Коллингридж и Рив (Collingridge & Reeve, 1986: 5) в этой связи говорят также о «дисфункциональности», о переизбытке информации, относящейся к принятию решения. Тем самым они хотят опровергнуть распространенное мнение о том, что «качество» или рациональность политических решений находятся в прямой зависимости от объема доступной релевантной информации. Кратко их позицию можно сформулировать следующим образом: «Утверждение о том, что хорошее решение может быть принято только в том случае, если неопределенности в окружающей среде будут сведены к минимуму за счет сбора максимально полной информации, просто-напросто неверно. Бывает, что очень удачные политические решения принимаются на основе очень незначительной по объему информации».

Несмотря на то, что Кейнс делает акцент всего на нескольких экономических переменных, и сегодня нередко можно услышать о том, насколько эффективной – при определенных условиях – является его теория на практике.

Экономические знания

В конечном итоге наша задача могла бы еще заключаться в отборе переменных, которые поддаются контролю или управлению в соответствии с системой, в которой мы живем.

Джон Мейнард Кейнс (Keynes, 1936: 247)

Практические уроки, извлеченные из экономической теории Кейнса, по сути превратили его теоретические размышления в «систему политического контроля над экономической жизнью» (Skidelsky, 1979: 55). Тщательный анализ «Общей теории» показывает, что Кейнс старался сформулировать практически полезные указания к действию, адресованные одному совершенно конкретному корпоративному актору – казначейству Великобритании.

Теорию Кейнса отличает в первую очередь то, что в ней внимание намеренно сосредоточено на сравнительно небольшом количестве экономических совокупных показателей, из которых можно вычленить главные детерминанты уровня занятости в национальной экономике. Так, Кейнса интересует валовой национальный продукт за год (товары и услуги), совокупный спрос на эти товары и услуги и совокупный доход, из которого вытекают совокупный спрос и совокупные инвестиции национальной экономики. На основе этих агрегатных величин определяются ключевые факторы занятости.

Кейнс устанавливает наличие связи между величиной национального дохода и степенью занятости, опираясь на пять внутренних и на один внешний индекс национальной экономики. Нередко основой его анализа служат статистические данные. При этом для кейнсианской теории характерно отсутствие исчерпывающей характеристики эмпирических параметров народного хозяйства (см., например: Schumpeter, 1954: 1175, 1183 и далее).

Если склонность к потреблению или соответствующие возможности населения, а также готовность предпринимателей к инвестициям недостаточны для того, чтобы полностью использовать ресурсы национальной экономики, а на их рост не приходится надеяться в силу господствующих экономических условий, в ситуацию с целью стимулирования экономики должно вмешаться государство, выделив дополнительные средства из бюджета. В большинстве случаев эти дополнительные средства должны обеспечиваться эмиссионным банком или заемным капиталом, поскольку повышение налогов приведет к противоположному результату, т. е. к снижению спроса. Ввиду того, что экономическая политика, прибегающая к подобным средствам, «в случае антицикличности [рынков] подразумевает выравнивание бюджета, а при постоянной компенсаторной деятельности государства ведет к перманентно растущей государственной задолженности, неудивительно, что представители “солидной” бюджетной политики долгое время упорно сопротивлялись утверждению кейнсианства» (Spahn, 1976: 216).

В последнее время для многих экономистов и разработчиков программ экономической политики, в первую очередь в Соединенных Штатах (ср. Tuge, 1986) характерно резко отрицательное отношение к вмешательству государства, тогда как в основе предложенной Кейнсом экономической политики лежит активистское понимание экономической деятельности государства. Более того, Кейнс (Keynes, 1936: 321 и далее) считает необходимым существенно расширить традиционные функции государства ради обеспечения полной занятости. Поэтому в характерном пассаже «Общей теории» (Keynes, 1936: 271) он пишет о склонности к инвестициям следующим образом: «В условиях *laissez-faire* вряд ли поэтому можно избежать широких колебаний в размерах занятости без глубоких изменений в психологии рынка инвестиций [...]. На этом основании я делаю вывод, что регулирование объема

текущих инвестиций оставлять в частных руках небезопасно»³¹. Другими словами, основополагающее допущение, согласно которому – вопреки и неоклассической теории, и популярному в настоящее время монетаризму – государство имеет возможность конструктивного вмешательства, в экономической политике, одобренной и вдохновленной Кейнсом, является само собой разумеющимся. Впрочем, сегодня подобная компенсаторная экономическая политика государства уже не принимается всеми безоговорочно. Сегодня все чаще – в частности, в рамках неоклассической макроэкономики – говорят о способности рынка к самовосстановлению. В этом контексте в качестве первоочередной задачи государства рассматривается поддержание и защита конкуренции в частном секторе.

Итак, в этой главе нам предстоит выяснить, когда и где положения кейнсианской экономической теории совпали с такими идеологическими и структурными условиями, при которых эти положения могли быть реализованы в виде конкретных мер экономической политики. В наши задачи не входит доказательство того, что те или иные инструменты экономической политики были изобретены Кейнсом. Разумеется, Кейнс был не единственным, кто выступал за активную роль государства в национальной экономике. До и после Кейнса, независимо от него, многие другие экономисты и политики, социалисты и другие противники доктрины *laissez-faire*, настаивали на сознательном интенсивном вмешательстве государства в экономику ради реализации тех или иных экономических и социальных задач³². Нам, совершенно независимо от истории возникновения теорий и конфликтов за интеллектуальное первенство, важно выяснить, подразумевает ли определенное теоретическое видение определенное пространство практических действий и условий восприятия. Однако уже по этой причине положительный резонанс и совпадение взглядов, равно как и отсутствие подобного совпадения, не означают, что в этом случае имеет место нечто вроде логически необходимой или эмпирически неопровержимой ответственности определенной теории за тот или иной конкретный путь развития. Существующие в обществе причинные взаимосвязи – как правило, и, хочется добавить, к счастью – редко бывают настолько однозначными.

³¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 132.

³² Так, например, Вагнер (Wagner, 1990: 301) обращает внимание на то, что теоретическое понимание, побудившее элиту в континентальной Европе конца 1920-1930-х годов к более масштабному вмешательству в экономику после мирового экономического кризиса, восходило к работам «старых противников либеральной теории времен “социального вопроса” и зарождения социального государства [...]». Теоретической основой программ кредитования расходов и общественных работ в континентальной Европе *не было* учение Кейнса». Впрочем, после войны оно стало теоретической основой политических мер в экономике.

Государство как предприниматель

С 1919-го года уровень безработицы в Англии на протяжении десяти лет практически не опускался ниже 8 процентов (см. рис. 1). Неудивительно, что этот экономический показатель приобрел большое политическое значение и находился в центре внимания в ходе борьбы либеральной и консервативной партии на парламентских выборах 1929-го года. В своем политическом манифесте в марте 1929-го года либералы под предводительством своего кандидата в премьер-министры Ллойда Джорджа обещали в случае победы на выборах снизить показатель безработицы до «нормального уровня». Достичь этой цели предполагалось за счет государственной программы создания рабочих мест, прежде всего в сфере транспорта и жилищного строительства. Правящая консервативная партия была против такой программы. Ллойд Джордж выступал за подобную экономическую инициативу со стороны государства еще в 1924 году. С другой стороны, в то время английское правительство придерживалось очень четкой официальной позиции, которую в 1929 году в своем докладе о бюджете изложил Уинстон Черчилль, занимавший должность казначея: «Казначейство твердо и непоколебимо придерживается принципа, согласно которому, независимо от потенциальных политических или социальных преимуществ, за счет государственных займов и расходов в целом и *de facto* должно создаваться лишь очень незначительное количество дополнительных рабочих мест» (см. Winch, 1972: III).

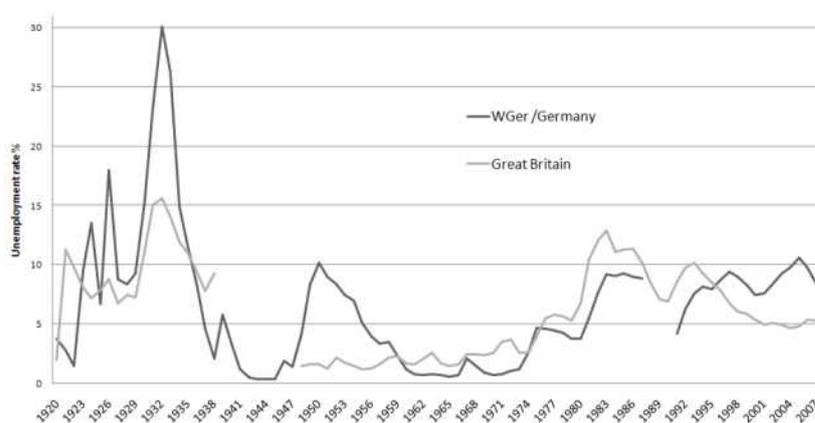

Рис. 1. Показатели безработицы для Германии/ФРГ и Великобритании, 1920–2007. **Источник:** Liesner, 1985; IMF International Financial Statistics.

Кейнс тоже принимает участие в общественных дебатах, развернувшихся вокруг этого предвыборного обещания. В полемической листовке, написанной совместно с Хьюбертом Хендерсоном (Keynes, [1929] 1984b)³³, Кейнс вступает в дискуссию на стороне либералов. Он оправдывает предвыборные обещания Ллойда Джорджа и оспаривает аргументы его политических противников. Исход выборов, вероятно, сильно разочаровал Кейнса: либералы оказались лишь третьими по числу мест в парламенте. Тем не менее, именно они

³³ В авторизированной версии основных изречений Кейнса по актуальным вопросам экономической политики, впервые изданной в 1931 году под названием «Эссе об убеждениях» («Essays in Persuasion») (Keynes, [1931] 1963), представленная в сокращенном виде статья, на которую мы здесь ссылаемся, еще носит программное название «Политика экспансии», тогда как полный текст в общем собрании сочинений был опубликован под заголовком «Может ли Ллойд Джордж сделать это?» (ср. Keynes, [1929] 1984b). В этой версии Кейнс несколько расширил текст, а при составлении сборника «Эссе об убеждениях» отказался от добавленных пассажей.

играют решающую роль в парламенте, так как ни у лейбористов, ни у консерваторов нет большинства голосов. Партия лейбористов формирует правительство меньшинства.

В выше названной работе, равно как и в других статьях 1920-х – начала 1930-х годов (Keynes, [1926] 1984, [1930a] 1984d), Кейнс разворачивает подробную, убедительную аргументацию в пользу конкретных мер экономической политики. Так, он гораздо настойчивее, чем в своих научно-академических работах, включая и «Общую теорию», призывает к принятию фискальных или монетарных мер, т. е. к увеличению государственных расходов либо за счет снижения процентных ставок, либо путем расширения инвестиций³⁴.

Дон Патинкин (Patinkin, 1982: 200–220) подробно изучил историю становления кейнсианской политэкономической концепции и проанализировал кажущуюся противоречивость его рекомендаций. Его интересовал, в первую очередь, вопрос о том, когда и почему Кейнс отдает предпочтение монетарным мерам перед фискальными. В «Трактате о деньгах» и в своих журналистских публикациях этого периода Кейнс приветствует как монетарные, так и фискальные меры государства в качестве реакции на сложившуюся экономическую ситуацию. В том, что Кейнс делает акцент то на одном, то на другом инструменте экономической политики, Патинкин не видит противоречия. Акцент на снижении процентных ставок или на увеличении государственных расходов делается в зависимости от того, в каком качестве выступает в данный момент Кейнс.

В «Трактате о деньгах» он говорит как представитель «чистой» науки и пытается сформулировать положения, имеющие универсальную значимость. Участвуя в актуальной политической дискуссии, он старается дать рекомендации относительно экономической политики Англии. При этом он выступает в роли самого известного экономиста своей страны и, соответственно, реагирует прежде всего на особую внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в Англии (ср. Patinkin, 1982: 208 и далее), говоря о том, что, на его взгляд, можно сделать в данных конкретных условиях в интересах страны (см. Lekachman, 1966: 65 и далее).

Таким образом, в своих полемических эссе 1920-х – начала 1930х годов Кейнс обращается к одной публике, а в своих научных работах того же периода – к другой. Тем не менее, конкретные политэкономические рекомендации, в частности, по борьбе с безработицей, вполне согласуются с более сдержанными и более общими тезисами академических трудов. В конечном итоге, и в том, и в другом случае речь идет о повышении совокупного спроса.

Простой, прагматичный расчет Кейнса показывает, что государственные программы по созданию рабочих мест и повышение спроса отвечают интересам всех членов общества и в конечном счете влекут за собой меньшие затраты, чем постоянно высокий уровень безработицы. Либералы в своей предвыборной программе обещали создать от 400 до 500 тысяч дополнительных рабочих мест, предполагая, что 5000 рабочих мест в год будут стоить около одного миллиона фунта стерлингов. Кейнс дает понять, что такой прогноз он считает консервативным, так как опосредованный, кумулятивный эффект от государственных мер (позднее названный им эффектом мультипликатора), скорее всего, окажет гораздо большее воздействие на уровень занятости в национальной экономике (Keynes, [1929] 1984b: 106). Государственные инвестиции, о которых идет речь в политических дебатах, должны финансироваться за счет кредитов, выплата процентов вряд ли сильно обременит бюджет.

Конечно же, в данном контексте вопросы о том, почему государство вообще должно выступать в качестве предпринимателя, почему бездеятельности и способности рынка к

³⁴ В статье 1926-го года «Конец laissez-faire» (Keynes, [1926] 1984: 292), а также в «Трактате о деньгах» Кейнс высказывается в пользу конкретных монетарных мер по борьбе с безработицей в Великобритании, называя в первую очередь гибкую процентную политику центрального банка. Соединенным Штатам в конце 1920-х годов он также рекомендует снизить ставки центрального банка.

самовосстановлению недостаточно для преодоления экономического кризиса (ср. Keynes, [1929] 1984: 117 и далее) и не подрывают ли «коллективные» экономические меры основы капиталистического строя, имеют высокую политическую значимость. Кейнс отвечает на все эти вопросы отрицательно. Капиталистическому строю ничего не угрожает, а полагаться на то, что свободное взаимодействие рыночных сил преодолет рецессию, нельзя. В прошлом для вывода национальной экономики из кризиса была необходима война: Кейнс отчасти признает неизбежность такого положения дел, но в то же время предостерегает современников (Keynes, [1931b] 1982: 60):

Раньше доходы от займов не тратились: они целиком причитались государству, если только государство не находилось в состоянии войны. Поэтому в прошлом мы нередко ждали войны, чтобы выйти из еще большего экономического кризиса. Я надеюсь, что в будущем мы не будем придерживаться подобной пуритской финансовой политики и будем готовы инвестировать в мирные проекты, что, согласно финансовым законам прошлого, было позволительно только для возмещения ущерба от войны.

Кроме того, уже тогда в ведении государства находилась инфраструктура общества (дороги, жилой фонд, коммуникации), а ее качество является важнейшим ресурсом для частной экономики. Кейнс же обращает внимание прежде всего на то, что государственные займы не находятся в отношении конкуренции с частными инвестициями, но, когда ожидание прибыли у частных предпринимателей отсутствует, в них необходимо пробудить склонность к инвестициям путем повышения доходов населения. Впрочем, увеличение накоплений еще не означает, что частные предприниматели будут более активны в своем инвестиционном поведении. Как подчеркивает Кейнс (Keynes, [1929] 1984: 123): «Государство целенаправленно призывает население к сбережению своих средств, чтобы можно было строить дома, дороги и тому подобное. Поэтому снижение процентных ставок за счет отказа от новых инвестиций и блокирования расходования этих средств равноценно самоубийству». Кроме того, увеличение объема кредитования и инвестирование этих средств внутри страны во время рецессии совершенно не обязательно сопровождается инфляцией. Государственное участие в экономике и результаты коллективных экономических мер никак не влияют на существенные характеристики капиталистического строя (Keynes, [1926] 1984: 292 и далее), что, в свою очередь, подталкивает Кейнса к следующему выводу (Keynes, [1926] 1984: 294): «Я полагаю, что при мудром руководстве капитализм вполне может воплощать экономические цели гораздо эффективнее любой другой известной нам системы, но и это во многих отношениях еще не идеал».

Когда в 1931 году сформированное лейбористами правительство меньшинства вместо того, чтобы пытаться повысить спрос среди населения, начинает проводить противоположную экономическую политику, у Кейнса это вызывает горькую иронию и разочарование. Правительство решило сократить государственные расходы; так, например, лейбористы урезали зарплаты учителям и повысили налоги. По мнению Кейнса, подобные меры могли лишь трагическим образом усугубить рецессию. Его призыв – «необходима любая форма деятельности, нужно делать что-нибудь, расходовать деньги, поддерживать масштабные проекты» (Keynes, [1931] 1984: 139) – не был воспринят как разумное указание к действию. Уровень безработицы продолжал расти.

Когда в начале 1930-х гг. стало ясно, что, несмотря на снижение процентных ставок, число безработных в Англии не уменьшается (см. Рисунок 1), Кейнс снова пересматривает свои экономические рекомендации английскому правительству в свете новой ситуации. Теперь он убежден, что для снижения уровня безработицы необходимы как государственные меры по созданию рабочих мест, так и низкая процентная ставка (см., например: Keynes,

[1933] 1972: 353 и далее). Кроме того, путем изменения девизной политики можно позаботиться о том, чтобы согласованная мера подобного рода не привела к утечке капитала. Эту точку зрения Кейнс отстаивает и в «Общей теории» (например: Keynes, 1936: 164, 378).

Эти эпизоды из истории разработки и политической реакции на рекомендации Кейнса в отношении реализации конкретной политической цели в конце 1920-х – начале 1930-х годов недвусмысленно показывают, что разработка и публикация практического знания еще вовсе не означает его реализацию. Возможно ли вообще выделить некие общие факторы, трансцендирующие специфические национальные способы и характеристики того или иного политического контекста, которые могли бы объяснить, почему старания Кейнса, по крайней мере, в то время не увенчались успехом? Были ли рекомендации Кейнса по борьбе с массовой безработицей уже конкретной возможностью действия, или же для их воплощения в жизнь необходимо было трансформировать их в «инструменты» (как считает, например, Смит: Smith, 1987)? Можно ли назвать другие общие предпосылки, например, из области национальной экономической статистики, позволяющие заключить, что в своих требованиях Кейнс обращал внимание не на те переменные, на которые можно было воздействовать при помощи имеющихся средств, или что нельзя было сказать заранее, будут ли вообще достигнуты желаемые результаты? В любом случае неудивительно, что наблюдатели успеха и неудач Кейнс в роли экономического консультанта единодушны в вопросе о том, почему его рекомендации не вызвали непосредственного широкого резонанса среди политиков, за исключением политически мотивированной оппозиции.

Кейнс-консультант

Кейнс не только работал над новой экономической теорией, неразрывно связанной с практикой, но и принимал непосредственное участие в актуальном политическом процессе. Он писал статьи для научных журналов и газет. Как представитель культурной и политической элиты своей страны, он оказывал влияние на общественное мнение и на политику, определенным образом комбинируя в публичных высказываниях свои взгляды на жизнь, свои академические воззрения и политические идеалы. Кейнс входил в Блумсберийский кружок, интересовался изобразительным искусством (имел коллекцию современной живописи), музыкой и театром и был женат на танцовщице. Он приобрел рояль (и роллс-ройс) своего друга Самуэля Кур-то. В научной и политической среде он был знаком с такими людьми, как Людвиг Витгенштейн, Пьеро Сраффа, Бертран Рассел, Вирджиния Вульф, Ллойд Джордж и Макмиллан¹. Киришнер утверждает, что теории Кейнса, равно как и его вмешательство в практическую политику следует рассматривать как следствие его философских и нормативных принципов. Его нравственный компас показывал презрение к денежной мотивации и к сугубому экономизму, согласно которому все наши действия по сути мотивированы стремлением к увеличению собственного богатства. В статье «Экономические возможности наших внуков» мы находим его знаменитое высказывание по данному вопросу:

Когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных задач общества, изменятся многие нормы морали. Мы сможем избавиться от терзающих нас уже две сотни лет псевдо-моральных принципов, из-за которых наиболее отвратительные черты человеческого характера были возведены в ранг высочайших добродетелей. Мы позволим себе осмелиться и установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами – в отличие от уважения к деньгам как средству достижения жизненных удовольствий и ценностей – будет считаться тем, чем она является на самом деле, – постыдным заболеванием, одной из тех полупреступных, полупатологических наклонностей, вид которых пугает и заставляет обращаться к специалистам по психическим расстройствам².

Этот почти фрейдистский комментарий является основой нормативных ориентаций и общих представлений Кейнса о цели экономической деятельности. Экономистов он воспринимал как зубных врачей, чья задача заключается в решении повседневных проблем человека и, прежде всего, в обеспечении экономической безопасности, чтобы сам человек мог сосредоточиться на более важных вещах (Kirshner, 2009: 537).^{35 36}

Теории Кейнса разрабатывались в тесном контакте и отчасти в ответ на мнения других видных комментаторов и политиков. Кейнс принадлежал к элите британского общества, включавшей в себя крупных политиков, интеллектуалов, деятелей искусства, предпринимателей, банкиров и ученых. После мирового экономического кризиса 1929-го года Кейнса пригласили в совещательные органы правительства. Он вошел в состав возглавляемой Макмилланом комиссии по финансам и промышленности, задача которой заключа-

³⁵ Примечательно, что по отношению к евреям в кругу знакомых Кейнса применялись негативные стереотипы. Скидельски полагает, что стереопитизация со стороны самого Кейнса имела место не на обыденном, а на философском уровне (Skidelsky, 1992: 239). Как и Зомбарт, он видел в евреях воплощение «духа» капитализма, что в его понимании означало абстрактную «любовь к деньгам».

³⁶ Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков / Пер. с англ. Д. Шестакова // Вопросы экономики. № 6. 2009. С. 65.

лась в изучении роли банковской системы в экономике, а также в состав Экономического совета (Economic Advisory Council), после чего принял участие в трех обедах, устроенных премьер-министром Рамсеем Макдональдом. Прежние попытки создания подобной комиссии по инициативе Бевериджа и Болдуина быстро потерпели неудачу. Теперь, когда во всем мире разразился экономический кризис, Макмиллан 22-го января 1930 года, наконец, учредил Совет правительства Его Величества по экономическим вопросам. В его состав входили министры и пятнадцать приглашенных экспертов, включая Кейнса (Skidelsky, 1992: 343 и далее).

Так Кейнс оказывается вовлеченным в политические баталии, к которым он не вполне готов. Как пишет Скидельски (Skidelsky, 1992: 344), Кейнс не был «человеком политики, он был политэкономом. Он придумывал теории, чтобы оправдать то, что он хотел сделать. Он понимал, что его теория должна быть полезной для политики и управления и простой в применении. Она должна приносить политические дивиденды. Но он также понимал, что для того, чтобы одержать победу в политическом споре, он должен победить в интеллектуальном противостоянии».

Кейнс был самой заметной фигурой во время дебатов комиссии Макмиллана. Его голос был решающим как при допросе свидетелей, так и при вынесении приговора (Skidelsky, 1992: 345). В ходе этих обсуждений Кейнс опробовал и оттачивал свою аргументацию относительно налоговых инструментов государственного вмешательства. Главный вопрос, вокруг которого разгорелась дискуссия, заключался в том, почему, несмотря на безработицу, не произошло массового понижения заработных плат. Кейнс не был склонен объяснять этот факт могуществом британских профсоюзов. Вместо этого он предложил сложную историческую аргументацию, построенную на понятии «негибкости» заработной платы:

Согласно моей трактовке истории, вот уже на протяжении многих столетий имеет место активное социальное сопротивление любым попыткам снижения заработной платы. Я думаю, что, за исключением отдельных попыток адаптации к конъюнктурным колебаниям, современная и античная история никогда не знала такого коллектива, который был бы готов без борьбы принять снижение общего уровня заработной платы (Keynes, 1981: 318).

Как и следовало ожидать, его позицию разделял Эрнест Бевин, генеральный секретарь профсоюза транспортников и неквалифицированных рабочих, который также входил в комиссию Макмиллана. Сам лорд Макмиллан, напротив, полагал, что именно социальные выплаты со стороны государства мешают «экономическим законам» эффективно работать. Кейнс возражал ему, указывая на то, что социальные выплаты не наносят вреда экономическому закону. «Я не думаю, что для большего соответствия экономическим законам необходимо повышать или, наоборот, снижать заработную плату. Это вопрос фактического положения дел. Экономические законы не управляют фактами, а говорят нам, какие последствия эти факты будут иметь в будущем» (Keynes, 1981: 83 и далее). В понимании Кейнса пособие по безработице не является причиной безработицы.

За время работы комиссии Кейнс внес несколько предложений по преодолению экономического кризиса. Прежде всего, он отклонил новую стратегию Банка Англии, предполагавшую возвращение к золотому стандарту и сокращение кредитований. Вместо этого он рекомендовал оказывать поддержку инвестициям внутри страны – путем снижения процентных ставок, повышения числа кредитов, контроля за иностранными инвестициями и государственных расходов на инфраструктуру. В ответ на скептические замечания по поводу центральной роли кредитов Кейнс признался, что предоставление кредитов есть лишь «уравновешивающий фактор», но он «лучше всего поддается контролю» (цит. по:

Skidelsky, 1992: 358). Приведенный ниже фрагмент дискуссии между Кейнсом и экономистом Банка Англии Уолтером Стюартом иллюстрирует позицию Кейнса:

СТЮАРТ: Как экономист я не могу поверить, что все недуги делового мира можно излечить простым увеличением или уменьшением объема кредитования со стороны центрального банка.

КЕЙНС: Вполне возможно, что погода имеет гораздо большее влияние на деловой мир, чем учетная ставка; но, несмотря на это, когда речь идет о том, что делать, вряд ли имеет смысл и дальше утверждать, что на самом деле важнее всего погода. В определенном смысле это, вероятно, так и есть – не исключено, что погода является самым важным фактором.

СТЮАРТ: Возможно, это единственное, что может сделать центральный банк; но я не думаю, что это единственное, что может сделать бизнес [...]. Я считаю приведение зарплат в соответствие с экономической ситуацией гораздо важнее для промышленной сферы, чем [...] какие бы то ни было действия банка (цит. по: Skidelsky, 1992: 358).

Как точно заметил Кейнс, для правительства имеют значение те рычаги, которые поддаются контролю. Таким рычагом, наряду с денежно-кредитной политикой, является объем инвестиций. Если частный сектор экономики не готов инвестировать, это может – и, по твердому убеждению Кейнса, должно – делать правительство.

По мнению Скидельски (Skidelsky, 1992: 362), выступления Кейнса на заседаниях комиссии Макмиллана знаменуют собой начало кейнсианской революции в политике. Впрочем, здесь его роль сводилась к тому, чтобы подтолкнуть банкиров, политиков и экономистов к пересмотру своих принципов, тогда как в Экономическом консультативном совете (Economic Advisory Council, EAC) под председательством премьер-министра Макдональда он имел возможность напрямую влиять на государственную политику. Первоначально в рамках совета предполагались консультации экспертов и бизнесменов по широкому кругу вопросов, однако Кейнс отклонил этот вариант работы, опасаясь, что подобные консультации внесут неразбериху. Он убедил премьер-министра созвать небольшой комитет, куда бы вошли избранные экономисты, чья задача состояла бы в разработке решений выявленных проблем. Макдональд созвал такой комитет, и Кейнс стал его председателем. Кроме него в комитет вошли Хендерсон, Пигу, Стемпел и Лайонел Роббинс. Свои надежды на то, что комитет придет к общему диагнозу ситуации, Кейнс связывал с общим профессиональным языком участников дискуссии: по всей видимости, он полагал, что его коллеги в целом разделяют его подход, изложенный им в «Трактате о деньгах» (Skidelsky, 1992: 364).

Однако бывший союзник Кейнса Хендерсон, разделявший положения его статьи «Может ли Ллойд Джордж сделать это?»³⁷, стал склоняться к более консервативным предложениям. Не следует делать ничего, что повлечет за собой более высокие налоги для предприятий. В разгар депрессии, по мнению Хендерсона, любые крупные государственные расходы приведут к повышению налогов. Предвосхищение подобного развития событий вызовет тревогу среди предпринимателей. Хендерсон пишет:

Эта тревога может совсем просто привести к противоположным результатам, нежели те, на которые нацелена программа занятости, и они окажутся в замкнутом круге, будучи вынужденными запустить еще одну программу большего масштаба, которая себя не оправдывает, что приведет к еще большей дыре в бюджете и к еще большим опасениям, пока они либо

³⁷ В этой брошюре 1929 года Кейнс объяснил феномен, впоследствии получивший название «эффект мультипликатора»: первые государственные расходы влекут за собой повышение фактической покупательской способности и, следовательно, имеют кумулятивный эффект.

не откажутся от всей этой политики целиком, либо столкнутся с настоящей паникой – бегством от фунта и так далее (цит. по: Skidelsky, 1992: 366).

И он тут же добавляет, что предприниматели ожидают подобных последствий: «Там, где есть веские основания для ожиданий определенного события и основания эти такого рода, что экономика способна их понять, результаты данного события проявляются еще до его фактического наступления» (цит. по: Skidelsky, 1992: 671).

Кейнс признавал, что психологические факторы важны, однако настойчиво обращал внимание на то, что процентные ставки повысились на 50 % по сравнению с довоенным периодом и что нужно изыскать средства, необходимые для ключевых инвестиций. Помимо процентных ставок и золотого стандарта, препятствующего частным инвестициям, на заседаниях комиссии обсуждались заработные платы. Почти все экономисты были единодушны в том, что при абсолютной гибкости зарплат такой проблемы, как безработица, не было бы вовсе. Однако, как отмечал Кейнс, зарплаты оставались стабильными, по крайней мере, в последнее время. Пигу пришел к тем же выводам относительно экономической политики, что и Кейнс, тогда как другие влиятельные члены комиссии не разделяли его мнения. Лайонел Роббинс, представлявший Лондонскую фондовую биржу (LSE), указывал на то, что крах экономики – это не болезнь, которую надо лечить, а исцеление от болезни: по его мнению, Великобритания жила не по средствам. Теперь англичанам придется привести уровень жизни в соответствие с новыми реалиями.

Кейнс не без сарказма похвалил Роббинса за то, что он – едва ли не единственный, по мнению Кейнса – согласовал свои политические рекомендации со своей экономической теорией. И Кейнс, и Пигу соглашались с диагнозом, а именно с фактом недостаточной гибкости зарплат, но не считали, что эту гибкость необходимо восстановить. Они искали решение, не затрагивающее заработную плату.

Даже на аналитическом уровне Кейнс, в отличие от своих оппонентов, не считал причиной сложившейся экономической ситуации слишком высокие зарплаты. И высокая безработица, и заработные платы были обусловлены снижением цен и утратой экспортных рынков вследствие переоцененности фунта стерлингов. Зарплатный фонд съедает большую часть прибыли исключительно по причине спада производства. Кейнс в своем анализе с самого начала учитывал международный аспект экономической деятельности, тогда как другие экономисты, в частности, Пигу, включили его в свои рассуждения позже (ср. Skidelsky, 1992: 370).

Комиссия так и не пришла к единому мнению относительно экономической политики. Роббинс хотел получить от правительства права составления заключительного доклада меньшинством членов, Хендерсон и Пигу обнародовали свои возражения против планов Кейнса относительно государственного вмешательства в экономику. Вероятнее всего, консенсус мог быть достигнут по вопросу пошлины на импортируемые товары. Протекционизм казался политически приемлемым даже таким людям, как Освальд Мосли, чьи взгляды на тот период были близки к взглядам Кейнса. В итоге новая версия документа, где Роббинс получил возможность выразить свою позицию в отдельной главе, представляла собой мешанину самых разных точек зрения. Комиссии не удалось достичь консенсуса относительно заработных плат, налогов, государственных расходов и налогов на импорт. Для оценки рекомендаций ЕАС был создан кабинетный комитет, члены которого пришли к выводу, что

комиссия не оправдала ожиданий правительства. На практике в форме закона в 1931 году была реализована лишь рекомендация по введению таможенных пошлин. Скидельски (Skidelsky, 1992: 377) так прокомментировал политическую мудрость Кейнса: «Решив отказаться от муниципального строительства и сделать ставку на импортные тарифы, Кейнс в очередной раз продемонстрировал поразительную способность предугадывать то, что в скором времени должно было стать политически приемлемым».

Теперь, на примере дискуссий вокруг идей и политических рекомендаций Кейнса в недолгой истории Веймарской республики, мы проанализируем, почему определенная форма экономической мысли, характерная, прежде всего, для академической элиты и работающих на правительство экономистов, в сочетании с идеологическими предубеждениями могла долго и успешно противостоять реализации кейнсианской экономической политики³⁸.

³⁸ Обсуждение гораздо более богатой истории и проблем реализации кейнсианской экономической политики в послевоенный период в ФРГ, США и Соединенном королевстве см. в: Spahn, 1976.

Кейнс в Германии

Во время мирового экономического кризиса Кейнс пытался убедить в достоинствах своих политэкономических идей не только английских политиков, но и тех, кто отвечал за экономическую и финансовую политику в имперском правительстве Генриха Брюнинга (с 30-го марта 1930 г. по 30-е мая 1932 г.), которое, в свою очередь, сыграло ключевую роль в судьбе Веймарской республики. В своих мемуарах Генрих Брюнинг рассказывает³⁹, как 11-го января 1932 г. во время часового визита он пытался убедить Кейнса в том, что «пропагандой инфляционистских методов он подорвет основу любой разумной финансовой политики в Германии. Слушатели его доклада в Гамбурге [доклад на тему “Экономические перспективы 1932” состоялся 8-го января 1932 года; см. Keynes, 1982: 39–48; на немецком языке: Keynes, 1932] ошибочно полагали, что английское правительство разделяет его взгляды». Приезд Кейнса в Гамбург, а затем в Берлин совпал по времени с заявлением правительства Германии от 9-го января 1932 года о прекращении репатриационных выплат в ближайшем будущем⁴⁰.

Позиция Брюнинга⁴¹ и проциклическая дефляционная политика, которую последовательно проводило его правительство, отвечали и интересам промышленности, и отчасти интересам социал-демократов (Landfried, 1976), но в первую очередь отражали «экспертное» мнение большинства политэкономов на данном этапе экономического развития Веймарской республики (ср.: von Mises, 1931; Röpke, 1932; A. Weber, 1932: 169; Kroll, 1958: 131–193; Krohn, 1981: 142–149; Landmann, 1981; Balderston, 2002: 88–99)⁴².

Немецкое правительство, как и правительство Англии, делало ставку на способность рынка к самовосстановлению и надеялось, что проблема хронической безработицы, которая, согласно мнению большинства, возникла в результате завышения зарплат в ущерб образованию капитала, будет решена за счет резкого снижения зарплат и процентных ставок в соответствии с новым соотношением спроса и предложения. До мирового экономического кризиса экономисты в большинстве своем были убеждены в том, что в рыночной экономике безработица возникает лишь в связи с незначительными «потерями на трение» и случайными факторами.

Экономист Альфред Вебер (Weber, 1931: 29)⁴³, который в своей речи перед Союзом социальной политики в сентябре 1930 года в Конигсберге, где он прославляет достоинства капиталистического строя, то и дело ссылается на единое мнение ведущих экономистов, также полагает, что условием «активизации потенциальной способности капитала» «никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть потребление». Активировать капитал может только «достаточное вливание нового капитала». Повышение спроса, как говорит Вебер от имени своих коллег, не может принести ничего хорошего для экономики страны.

³⁹ Встречу Кейнса с Брюнингом, скорее всего, организовал давний друг Кейнса и советник Брюнинга Карл Мельхиор (ср. Johnson & Johnson, 1978: 59). Воспоминания Кейнса о Мельхиоре были изданы в собрании его сочинений: Keynes, [1949] 1972.

⁴⁰ Под впечатлением от увиденного в Германии Кейнс в середине января 1932 года проанализировал проблему возложенных на Германию репатриационных обязательств в статье «Новый политик и нация» («New Statesman and Nation»). В ней он выступает за введение моратория на выплаты, тем самым поддерживая позицию Брюнинга по данному вопросу (ср. Keynes, 1978: 366–369).

⁴¹ Гарольд Джеймс (James, 1989: 238) отмечает, что дефляционную политику правительства Брюнинга поддерживал также «ряд высокопоставленных профессиональных чиновников, среди которых наибольшим влиянием пользовался госсекретарь (самая высокая должность в министерстве финансов) Ганс Шеффер».

⁴² Из такого сближения позиций разных групп населения историки, говоря о данном периоде, часто делают вывод, что экономическая и денежная политика Брюнинга вполне соответствовала обстоятельствам того времени, тогда как экономисты, рассматривая ситуацию с точки зрения сегодняшнего дня, считают те же экономические и финансовые меры немецкого правительства ошибочными (ср. Sanmann, 1965: 110).

⁴³ Не следует путать его с братом Макса Вебера, культурологом Альфредом Вебером (1868–1958).

Сторонники примитивной теории покупательской способности, в частности, профсоюзные деятели Веймарской республики или тот же Генри Форд, впадают в непростительное заблуждение, которое способно привести лишь к краху национальной экономики (Weber, 1931: 32).

По утверждению Вебера (Weber, 1931: 58), ни один политэконом, стремящийся «к истине и ясности [...] независимо от каких бы то ни было партийно-политических догм и интересов, со всей мыслимой решимостью и непредвзятостью», не может, «изучив беспристрастно нынешнее бедственное положение, прийти к выводу [...], что мы тоже можем восстановить экономику нашей страны без временного снижения жалований и зарплат» (Weber, 1931: 40). Такой вывод, разумеется, также подразумевает, что получение кредита для обеспечения занятости безработных является бессмысленной, если не опасной мерой экономической политики. Представители немецкой политэкономии, с гордостью заявляет Вебер, несмотря на различия в мировоззрении и методологии, в целом единодушны в отношении теоретического диагноза и политической терапии. За аутсайдерами и чудаками среди профессиональных экономистов сохраняется право нарушить этот всеобщий консенсус, что они и делают по понятным психологическим причинам. Впрочем, они не так безобидны, поскольку позволяют «не желающим думать массам, которые формируют так называемое общественное мнение», и дальше оставаться в их ленивом состоянии, как бы говоря: «Смотрите, те, кто обычно стоит выше частных интересов и чья обязанность заключается в непредвзятом научном изучении всех этих экономических взаимосвязей, они тоже расходятся во мнениях» (Weber, 1931: 56).

Подобного рода суждения, весьма характерные для экспертов-экономистов незадолго до падения Веймарской республики⁴⁴, разумеется, поддерживали канцлера Брюнинга в его намерении проводить политику дефляции и снижения государственных расходов с целью преодоления экономического кризиса в целом и страха перед инфляцией в частности. Ради этой цели правительство повысило различные взносы, таможенные пошлины и налоги, в частности налог с оборота, подоходный налог и налог на заработную плату. Так как эти меры, ввиду общей экономической рецессии, не компенсировали спад поступлений в государственную казну, правительство также резко и значительно сократило государственные расходы с тем, чтобы обеспечить более или менее сбалансированный бюджет. Итогом этих мер экономической и фискальной политики стал кумулятивный, постоянно нарастающий процесс рецессии.

Поэтому, оглядываясь назад, можно утверждать, что Кейнс, видевший причину неэффективности государственных антикризисных мер в недостатке знаний со стороны политиков и экономистов (Keynes, 1932: 41), более адекватно оценивал ситуацию, нежели его многочисленные, скептически настроенные критики:

Если мы захотим, мы еще сможем стать хозяевами своей судьбы. Препятствия на пути к выходу из кризиса не являются материальными. Они проистекают из уровня знаний, способности суждения и воззрений тех, в чьих руках находится власть. К несчастью, традиционные, глубоко укорененные догматы ответственных правителей во всем мире берут свое начало в опыте, не имеющем параллелей в современной жизни: зачастую

⁴⁴ Не имея возможности подробно рассмотреть весь спектр конкурирующих экономических идей, мы все же хотим отметить, что в этот период в экономике имели место и другие теоретические подходы и политические рекомендации, вдохновленные, в частности, англо-саксонской теорией, где доминирующие интеллектуальные традиции подвергались критическому анализу. К этим подходам, не имевшим, впрочем, почти никакого политического влияния, относится, прежде всего, объяснение экономических кризисов молодыми экономистами Веймарской республики, которые впоследствии были вынуждены эмигрировать. Это Адольф Лёве, Герхард Кольма, Эдуард Хайманн и Эмиль Ледерер. Теоретические позиции этого периода и их практическая неэффективность подробно описаны в: Krohn, 1981.

этот опыт прямо противоположен тому, что эти люди на самом деле должны были считать правильным (Keynes, 1934: 41).

Члены правительства и их советники не понимали, какой эффект может иметь политика форсированного оживления экономики путем повышения государственных расходов, и поэтому не уделили ей должного внимания. Занманн (Sanmann, 1965: 120) отмечает, что единодушные специалистов и политиков относительно выбранного курса в экономической и фискальной политике объясняется также тем, что

- # тогда никто не осознавал, что денежная политика носит проциклический характер;
- # соответственно, не было и осознания того, что именно потому, что реализуемая
- # денежная политика действует проциклически, должна быть возможной и другая,
- # антициклическая денежная политика – если не на практике, то, по крайней мере, в
- # виде теоретической модели.

Как мы видели, модель Кейнса вовсе не была никому неизвестной. Кроме того, нет оснований утверждать, что антициклическая экономическая и денежная политика в эпоху Брюнинга была возможной только «теоретически»: на самом деле кейнсианская политика была вполне реальной альтернативой для Веймарской республики 1930-х годов, и даже «давление» внешнеполитических обстоятельств, о которых часто вспоминают в этой связи, не было бы непреодолимым препятствием⁴⁵.

Значительное влияние экономических идей Кейнса на американскую экономическую политику, особенно после рецессии 1938 года (ср. Galbraith, 1980; Salant, 1989; Weir, 1989; Goodwin, 1995; Parker, 2005), подтверждает диагноз, поставленный Кейнсом Веймарской республике. Влияние Кейнса в США еще больше усиливается в ходе войны. В послевоенный период его идеи экспортируются во многие западные индустриальные страны как товар, доказавший свою успешность в набирающей силу мировой державе Америке. Оглядываясь на историю распространения и успешного заимствования кейнсианской экономической доктрины, Хиршман (Hirschman, 1989: 4) приходит к выводу, что вероятность эффективной диссеминации и имплементации экономических идей существенно возрастает, если соответствующие теории изначально находят поддержку у элиты того или иного государства. Если это государство к тому же играет важную роль в мире, вследствие чего его элита получает возможность эффективного распространения близких ей идей, можно исходить из того, что теории, продвигаемые подобным образом, почти наверняка будут иметь большое практическое влияние.

Предложенная Кейнсом концепция экономической политики, реализация которой, безусловно, возможна в разных конкретных программах действия, отличается простотой⁴⁶ и гибкостью. При этом ее следует отличать от тех макроэкономических инструментов и задач, которые возникли в послевоенное время (в первую очередь в США), но при этом воспринимались и критовались как кейнсианский инструментарий. Сам Кейнс так преподносит свою

⁴⁵ К этому выводу приходит, в частности, Ландманн (1981: 217): «Таким образом, лишь полное отсутствие понимания циклических взаимосвязей в переживающей спад экономике Германии стало причиной того, что и Брюнинг, и репатриационные кредиторы в равной мере противостояли всему, что не соответствовало безоговорочному курсу на дефляцию» (см. также: Sanmann, 1965: 134).

⁴⁶ «Общая теория» Кейнса – сегодня об этом можно говорить с уверенностью – вызвала столь сильный резонанс среди экономистов в первую очередь потому, что она давала относительно простое, но при этом убедительное объяснение неравновесных процессов, а, кроме того, на основании этой теории можно было сформулировать однозначные рекомендации государственной власти относительно экономической политики. К такому же выводу приходит и Блэни (Bleaney, 1985: 37). Он, в частности, пишет, что теория Кейнса «была теоретически отточенным вскрытием слабых мест чистой неоклассической теории, авторы которой отбросили *очень простое* объяснение проблем экономического кризиса из-за того, что ввели в теорию принцип эффективного спроса» (Курсив наш – Р. Г., Н. Ш.).

теорию (Keynes, 1936: IX): «Поскольку предпосылки, на которые она опирается, не столь специфичны, как предпосылки ортодоксальной теории, ее проще приспособить к широкому полю разных условий»⁴⁷.

Согласно теории Кейнса, нестабильность капиталистической экономики должна компенсироваться мерами государственного вмешательства: (1) необходимо создать институциональные условия, обеспечивающие относительно низкую процентную ставку и высокие ожидания экспансии, что, в свою очередь, должно стимулировать инвестиции; (2) необходимо попытаться с помощью государственных мер, в частности, программ дополнительных государственных расходов, стимулировать эффективный спрос⁴⁸.

Важным, возможно, даже решающим условием этих мер экономической политики является принципиальная дееспособность государства (Feuer, 1954: 683 и далее; Lindblom, 1972: 3 и далее). Для экономики страны едва ли не со времен Иоганна Генриха фон Тюнинга (первого экономиста, включившего в экономическую теорию пространственное измерение) и его концепции «изолированного государства» это условие является само собой разумеющимся. Безусловно, закономерности национальной экономики проще выявить тогда, когда любые внеэкономические силы (Маркс) остаются за рамками анализа или же рассматриваются как помехи.

Вначале и экономисты, и менеджеры, и политики, и чиновники с большим недоверием отнеслись к экономическим идеям Кейнса, равно как и к его рекомендациям по экономической политике, но в конечном итоге его концепция получила признание. Взгляды политиков и экономистов – не в последнюю очередь под влиянием войны – изменились, что в конечном итоге привело к утверждению принципов кейнсианской экономики в Великобритании, США (закон «О полной занятости»), в ФРГ (закон «О стабильности и экономическом росте», 1967 г.), а потом почти во всех западных странах. Эти принципы даже вошли в хартию ООН и, таким образом, стали новой ортодоксией (ср. Kaldor, 1983: 29 и далее). Но уже через двадцать пять лет, в 1970-х, основанная на учении Кейнса политика полной занятости начинает давать сбой. Сначала экономисты сталкиваются с неизвестным им феноменом – стагфляцией, а затем с ее противоположностью. Все чаще можно услышать, что кейнсианские меры государственного регулирования уже не действуют. Экономические цели докейнсианской эпохи, например, преодоление инфляции как источника всех проблем, снова выходят на первый план, а регулирование предложения денег становится первостепенной задачей экономической политики. Даже если разграничить кейнсианский коэффициент полной занятости (термин, предложенный Джоном Хиксом и обозначающий уровень занятости, который может быть достигнут при помощи кейнсианского инструментария) и остаточную безработицу, остается непонятным, почему кейнсианский показатель полной занятости на протяжении прошедших двадцати лет неуклонно снижался.

⁴⁷ Эти комментарии Кейнса можно найти в предисловии, написанном им для немецкого издания «Общей теории», которое вышло в свет в 1936 году в Берлине. Говоря о большей гибкости и более широких возможностях применения, Кейнс, очевидно, пытается убедить немецкого читателя в том, что хотя его книга ориентирована в первую очередь на экономические системы, действующие по принципу *laissez-faire*, тем не менее, она применима и там, где имеет место «более выраженное государственное управление».

⁴⁸ Когда Кейнса провозглашают спасителем капитализма, то, скорее всего, имеют в виду то, что государственные расходы, в первую очередь не связанные с производством, помогли решить проблему капитализма, вызванную недостаточным спросом и/или перепроизводством. Начиная с 1920-х годов, производство неизменно расширялось, несмотря на снижение капитальных инвестиций и использования рабочей силы, и предложенные Кейнсом меры помогли взять эту тенденцию «под контроль», причем сразу в двух аспектах. С одной стороны, государственные расходы замедляют вовлечение новых эффективных средств производства, поскольку у экономики отнимаются средства, необходимые для инвестиций. С другой стороны, государственные расходы стимулируют спрос, что компенсирует избыточное предложение товаров и услуг. Впрочем, с точки зрения неомарксистов, такое кейнсианское спасение капитализма носит лишь временный характер (ср. Block & Hirschhorn, 1979: 370 и далее).

Как видно из таблицы 1, где собраны данные для отдельных индустриальных стран, к тяжелым последствиям мирового экономического кризиса относится резкое сокращение внешней торговли. Впрочем, с 1945 года до сегодняшнего дня «экспортная квота» этих стран неуклонно растет и уже приближается к докризисному уровню.

Представленная в сокращенном виде в таблице 1 тенденция изменений в объеме национального экспорта, тем не менее, наглядно демонстрирует, как сильно за последнее время изменилась способность государства воздействовать на собственное экономическое развитие при помощи внутриэкономических мер. Чем выше индуцированный международными рынками спрос на товары и услуги той или иной страны, тем меньше вероятность того, что внутринациональные инструменты экономической политики будут иметь желаемый успех. В этой связи очевидно, что практическая эффективность кейнсианских экономических мер может варьироваться в зависимости от способности государства влиять на выделенные Кейнсом общеэкономические параметры (Feuer, 1954). Поэтому, несколько упрощая, можно сказать, что определенные меры экономической политики в стране, экономика которой зависит от высокой экспортной квоты, гораздо менее эффективны, чем те же меры, принятые в стране с низкой экспортной квотой, не говоря уже о многих других важных взаимосвязях и тенденциях развития мировой экономики⁴⁹.

Важнейшие структурные изменения современного общества, а значит, и экономики, по словам Дэниела Белла (Bell, 1987: 2), «интегрированы в мировую экономику», тогда как «политическое управление по-прежнему осуществляется на национальном уровне». Другими словами, политическая «переработка» структурных изменений, вызванных трансформацией мировой экономики, и сегодня по большей части проходит в узких рамках национального государства⁵⁰. Там, где структурные изменения экономики, вызванные мировыми тенденциями развития, по крайней мере, отчасти перерабатываются согласованно в рамках международного сообщества, как, например, в случае ЕС, это, разумеется, одновременно означает уменьшение свободы действий отдельного государства в вопросах регулирования экономики и только еще раз подтверждает, насколько бессмысленно говорить об экономической теории как о политэкономии или теории народного хозяйства, хотя такое понимание и сегодня широко распространено в немецкоязычном пространстве. Оно, вне всякого сомнения, верно в отношении прошлого, когда экономическая теория в любом случае была ориентирована на экономику отдельного государства (см., например, Kuznets, 1951, 1971), однако сегодня это допущение является скорее интеллектуальной помехой для реалистичной экономической теории.

Таблица 1

Доля экспорта в ВВП с учетом рыночных цен для отдельных государств, 1928–2007

⁴⁹ экономики отдельного государства, на которой до сих пор целиком и полностью сосредоточена большая часть экономической теории» (см. также Lipsey, 1990). Социологи, не склонные доверять тезису о том, что мы являемся современниками кардинальной глобализации национальных экономик, используют данные о доле экспорта в ВВП в начале XX века и о ее последующем снижении (см. Таблицу 1) в качестве доказательства того, что в первые десятилетия XX века глобализация играла гораздо более важную роль, чем сегодня (ср. Hirst & Tompson, 1992). В последние десятилетия рост торговли замедлился в связи с появлением международных концернов с производственными филиалами во всем мире (см. Stichweh, 1999). Экономическая глобализация не ограничивается потоком товаров и услуг, она интегрирована в стремительно нарастающий международный обмен символическими товарами.

⁵⁰ Вопрос о том, какие последствия может иметь прогрессирующая «интеграция» национальных экономик, скажем, для возможностей управления, а также для сохранения социально-политических и культурных особенностей отдельных наций, открывает широкое поле для зачастую политически мотивированных спекуляций. Например, можно ли утверждать, что, как прогнозирует Хотц-Харт (Hotz-Hart, 1983: 313), ожесточенная международная конкуренция ведет к уменьшению возможностей обеспечения социальных гарантий в рамках отдельного государства по причине неизбежного конфликта между логикой рынка и логикой государства всеобщего благосостояния?

	Германия / ФРГ	Великобритания	США	Япония
1928	33,24	22,75	5,29	
1936	12,00	16,36	3,79	
1950	9,33	17,55	4,41	
1954	13,88	16,69	4,51	
1960	16,02	17,33	5,21	10,71
1964	15,71	17,27	5,74	9,50
1970	19,91	21,55	6,49	10,82
1974	23,32	24,89	8,70	13,62
1980	23,47	27,50	10,79	13,49
1984	25,19	28,29	9,09	14,69
1988	29,29	23,04	7,60	9,75
1992	23,98	23,72	10,14	9,76
1996	25,03	29,49	11,16	9,72
2000	33,69	27,68	10,98	10,84
2004	38,07	24,91	10,06	13,04
2007	46,43	25,87	11,88	17,07

Источник: Показатели для Германии / ФРГ, Великобритании и США были рассчитаны на основе макроэкономических данных из: Liesner, 1985.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (очищенного от тренда) экономического роста отдельных стран в периоды 1920–1938, 1948–1962, 1963–1987

Страны	1920–1938	1948–1962	1963–1987
США / Канада	-.63	.82	-.05
США / Великобритания	.56	-.04	.68
США / Германия	-.11	-.52	.59
Великобритания / Германия	.70	.33	.83
Великобритания / Канада	.20	-.24	-.29
Германия / Канада	.82	-.81	-.60

Некоторые авторы придерживаются мнения, что в «Общей теории» Кейнс не ограничивается замкнутой национальной экономикой, а подразумевает мировую экономику в целом (ср. Hicks, 1983: 22). На самом деле в «Общей теории» Кейнс не интересуется непосредственно вопросами международной торговли, и вывод о том, что в своих эмпирических наблюдениях он имеет в виду мировую экономику, очевидно, ошибочен.

Усиление взаимосвязи экономического развития современных индустриальных стран можно проследить путем сравнительного трендового анализа макроэкономических показателей для периодов, интересующих нас в данном контексте. Тогда же встает вопрос о том, действительно ли наблюдаемая сегодня констелляция экономических трендов не имеет аналогов в истории. При сравнении развития этих динамических рядов в экономических показателях для разных стран, например, в показателях роста ВВП, исчисляемого в рыночных ценах, или в показателях безработицы, должна отражаться следующая тенденция: после зна-

чимых национально-специфических процессов в экономике этих стран, скажем, в период непосредственно после второй мировой войны и приблизительно до начала 1960-х годов, динамические ряды, при условии, что тезис об усилении взаимосвязи верен, должны постепенно сходиться в одном общем тренде. Статистически это сближение должно отражаться в высокой значимой корреляции изменений экономических показателей. В приведенных ниже таблицах представлен результат подобного регрессионного анализа, в котором использовались очищенные от тренда показатели экономического роста (или, точнее, роста ВВП в рыночных ценах), показатели безработицы и долгосрочной процентной ставки в период между 1920 и 1987 годами для США, Канады, Великобритании и Германии (ФРГ). В таблицах 2–4 представлены значения простой линейной корреляции.

Нас интересуют прежде всего периоды с 1948 по 1962 год и с 1963 по 1987 год: именно между ними, по мнению многих экономистов, проходит граница, разделяющая кейнсианские меры государственного регулирования экономики на успешные и менее успешные. Если сравнить коэффициенты корреляции между отдельными странами для этих периодов, то в большинстве случаев результаты будут соответствовать ожиданиям. Если не принимать во внимание те немногие исключения, которые имеют место, то можно увидеть, что конвергенция экономического развития в четырех странах – США, Канаде, Великобритании и ФРГ – в период между 1963 и 1987 годом гораздо выше, чем в период между 1948 и 1962 годом. В то же время парная корреляция ВВП, показателей безработицы и процентной ставки в довоенный период свидетельствует о том, что «большая самостоятельность» государств в послевоенные годы, по всей видимости, является результатом кардинальных перемен, связанных с войной. Такая интерпретация представляется оправданной, если учесть, что корреляция экономических показателей в период между 1920 и 1938 годом отчасти была очень высокой. Так, например, корреляция показателей безработицы в довоенный период в большинстве сравниваемых стран почти столь же высокая, как и в последний период.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции очищенных от тренда показателей безработицы отдельных стран в периоды 1920–1938, 1948–1962, 1963–1987

Страны	1920–1938	1948–1962	1963–1987
США / Канада	-.97	.81	.84
США / Великобритания	.56	-.54	.77
США / Германия	.92	.38	.55
Великобритания / Германия	.73	-.33	.74
Великобритания / Канада	.68	-.75	.79
Германия / Канада	.94	.63	.83

Таблица 4

Коэффициенты корреляции очищенных от тренда долгосрочных процентных ставок в отдельных странах в периоды 1920–1938, 1948–1962, 1963–1987

Страны	1920–1938	1948–1962	1963–1987
США / Канада	.87	.88	.83
США / Великобритания	.32	.32	.03
США / Германия	нет данных	-.56	.38
Великобритания / Германия	нет данных	-.14	.29
Великобритания / Канада	.08	.08	.22
Германия / Канада	нет данных	-.48	.26

Источник: Данные по США, Великобритании и Германии для периодов между 1920 и 1983 годами взяты из: Liesner, 1985. Данные по Канаде для периодов между 1920 и 1983 годами взяты из: Parkin & Bade, 1986. Остальные данные взяты из «Ежегодника международной финансовой статистики» МВФ за 1988 год.

Впрочем, приведенные в таблицах 2–4 данные отражают лишь тот факт, что некогда очень высокий уровень «взаимозависимости» этих государств, который, кстати, был еще выше в 1913 году, лишь постепенно восстанавливался после войны. На первый взгляд, подобная тенденция допускает вывод о том, что сегодня экономики разных стран должны быть более независимыми, чем в 1920-е и 1930-е годы. Однако это ошибочная интерпретация. Взаимозависимость крупных торговых держав сегодня во многих отношениях выше, чем пятьдесят лет назад, несмотря на то, что, например, экспортные квоты в отдельных случаях еще не достигли уровня прошлых лет. Хотя в чисто «физическом» смысле экономическая зависимость отдельных государств от их торговых партнеров уменьшилась, во многих других, более значимых отношениях их взаимозависимость усилилась (см., например, Rich, 1983). Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно изучить фактические торговые потоки, характер импортируемых и экспортируемых товаров, услуг и капитала, потребителей и экономический уровень торговых партнеров. Вместе с тем в последнее время имеют место экономические процессы, которые, с одной стороны, ведут к уменьшению торговых потоков, а, с другой стороны, усиливают взаимосвязи между партнерами. К таким процессам относится, например, рост многонациональных концернов. Производство в разных странах уменьшает экспортные риски или полностью избавляет от необходимости экспортировать товары и услуги. Как подчеркивает, в частности, Розенкранц (Rosencrance, 1987: 163), прямые инвестиции такого рода ведут к тому, «что объединение инвестиций в индустриальных странах порождает взаимную заинтересованность в успехе каждого, чего не было в девятнадцатом веке и вплоть до первой мировой войны».

Политическое значение разветвления и усиления экономических связей и, соответственно, взаимозависимости сегодня совершенно иное, нежели в 1920-е и 1930-е годы. Взаимопроникновение экономических систем разных национальных государств вынуждает их сотрудничать друг с другом. Национальные цели если и могут быть достигнуты, то только за счет мер, согласованных с иностранными партнерами.

Мировая экономическая политика, или Кризис кейнсианской теории

Было бы неверно на основании наших рассуждений делать вывод о том, что пределы экономических мер, опирающихся на положения «Общей теории», совпадают с пределами самой «Общей теории». Такого рода пределы существуют. Однако, кроме того, эффективная экономическая политика имеет пределы, очерченные экономическими условиями и процессами их изменений. Научные и логические пределы «Общей теории» были неоднократно описаны компетентными людьми (например: Hansen, 1952; Kaldor, 1983). Нас же интересуют возможности и границы социально-научного знания в тот момент, когда оно сталкивается со специфическими социальными условиями действий со стороны определенных акторов. Нам, таким образом, интересны не логические или «научные» границы «Общей теории», а «исторические» или практические пределы сформулированного Кейнсом экономического знания.

Крах кейнсианской экономической политики в экономических и политических условиях, установившихся с 1960-х годов, – общепризнанный факт, однако на его констатации консенсус наблюдателей исчерпывается. Существует множество зачастую противоречивых объяснений, авторы которых хотя и обращаются к интересующим нас историческим фактам, но при этом надеются самыми разными способами обосновать тезис о практической irrelevance кейнсианского инструментария. Среди объяснений звучал также упрек в том, что во многих западных странах отношение к идеям Кейнса с самого начала было скептическим, предложенные им меры экономической политики исполнялись неохотно и не до конца (см., например: Steindl, 1985 116 и далее), а в 1970-е гг. кейнсианская политика была применена не по назначению, поскольку ее реализация возможна только в определенной «кейнсианской ситуации» (ср. Schiller, 1987). Наконец, другие критики Кейнса не хотели верить в то, что в истории вообще имел место такой факт, как практически эффективная кейнсианская экономическая политика. Так, Альфред Вебер после второй мировой войны сетовал на то, что эпигоны Кейнса, пытавшиеся превратить теорию учителя «в универсальное политэкономическое учение», «несут значительную часть вины за те серьезные трудности, которые в настоящее время испытывает свободный мир».

Таким образом, дееспособность государства и других экономических акторов должна рассматриваться в отношении отнюдь не статистической совокупности факторов, определяющих динамику национальной экономики и, прежде всего, экономическую экспансию при изменчивых краевых условиях. Кейнс (Keynes, 1936: 1) оправдывает создание своей «общей теории» в качестве альтернативы «классической» экономической теории среди прочего тем, что теория его предшественников уже не соответствует особенностям господствующих экономических условий. Кейнс считает классическую теорию пригодной лишь для особого случая, а именно для экономики с полной занятостью. Поэтому применение ее к проблеме «вынужденной безработицы» ведет «к ошибкам и роковым последствиям» (Keynes, 1936: 14). Такое применение можно сравнить с использованием основ евклидовой математики в неевклидовом мире. Из этой дилеммы есть только один выход – создание неевклидовой математики. Кейнс проводит аналогии со своей теорией, утверждая, что в ней достигается большее соответствие идеи и практики. Впрочем, возражение относительно того, что любая теория в принципе соответствует только определенной констелляции экономических отношений, опровергается лишь применительно к данному конкретному случаю.

К факторам, которые в настоящее время играют особо важную роль, но при этом не отражены ни в классической, ни в кейнсианской экономической теории, безусловно, относятся научные и технические изобретения и открытия (Freeman, 1977). Если Шумпетер в

своих работах (Schumpeter, 1951) говорит о значении инноваций⁵¹ для расширения экономики, то в «Общей теории» Кейнса этот фактор не упоминается, точнее говоря, больше не упоминается, потому что еще в «Трактате о деньгах» Кейнс (Keynes, 1930: 85 и далее), вслед за Шумпетером, подчеркивает универсальное значение технических трансформаций и инноваций для экономического роста и изменчивых инвестиционных решений, а в одной из статей, написанных в том же году, объясняет беспрецедентный рост общественного благосостояния в современных обществах научно-техническим прогрессом, процентной ставкой и начавшимся еще в XVI-м веке накоплением капитала (см. Keynes, [1930a], 1984).

Однако технический прогресс очень сложно, а зачастую и вовсе невозможно контролировать, планировать или сдерживать в рамках отдельно взятого национального государства. Шумпетер (Schumpeter, 1952: 283), во всяком случае, полагает, что кейнсианский анализ применим лишь к небольшим временным отрезкам. Из-за того, что Кейнс оставляет за рамками своего анализа фактор технического развития, не учитывая его даже в качестве динамической переменной,

возможности применения этого анализа ограничены в лучшем случае несколькими годами – может быть, циклом в сорок месяцев, а что касается особых проявлений, то здесь возможности данного анализа ограничены факторами, от которых зависит уровень загруженности промышленных мощностей в том случае, если они остаются неизменными. Таким образом, не учитывается ни одно из проявлений, связанных с обновлением и изменением этих мощностей, а такие проявления доминируют в капиталистическом процессе.

Недостаточная практическая эффективность кейнсианской экономической политики, безусловно, связана с приоритетными целями кейнсианской теории и, прежде всего, разумеется, с целью достижения полной занятости⁵², а также с экономическими параметрами, которые учитываются или, наоборот, не учитываются в данной теории. Акцент на определенных аспектах экономики и игнорирование других аспектов или же убежденность в том, что другие переменные можно считать граничными условиями, константными или не подлежащими анализу, разумеется, не случайны, а отражают определенные интеллектуальные, профессиональные представления о господствующих экономических условиях.

Так, например, в кейнсианской теории отсутствует анализ производительности. С одной стороны, это наверняка вызвано тем, что речь здесь идет об экономическом параметре, который в уравнении экономического процесса расположен на стороне предложения. С другой стороны, сознательное игнорирование проблематики производительности отражает те условности, которые имели место в экономической мысли того времени. Дело в том, что в период между 1900-м и 1920-м годами произошел один из мощнейших производственных сдвигов современности. Это, вне всякого сомнения, дало повод для оптимизма, и проблема ограниченности предложения, о которой неустанно твердила классическая экономика, каза-

⁵¹ Впрочем, в понимании Шумпетера, инновации не ограничиваются экономической и технической сферой; это более общее понятие, с помощью которого Шумпетер обращает внимание на роль непрерывностей в экономическом процессе.

⁵² Сегодня многие полагают, что полная занятость стала недостижимой прежде всего по причине недавних изменений в области техники, а также требований к капиталу и труду как фактору производства. В этой связи, пожалуй, стоит упомянуть о том, что, в представлении Кейнса, «мир безработицы» (Keynes, 1936a: 321) гораздо теснее связан с господством «капиталистического индивидуализма». Таким образом, непродолжительные периоды оживления были для него лишь коротким перерывом в характерном для капитализма общем состоянии безработицы. Как бы то ни было, на протяжении нескольких десятилетий специалисты и на Востоке, и на Западе были единодушны в том, что полная занятость желательна и, соответственно, должна рассматриваться как цель государственной экономической политики, вне зависимости от политической идеологии. И лишь сегодня политические и экономические допущения, которые долгое время служили основой консенсуса относительно полной занятости или «права на труд», ставятся под сомнение (ср. Gogz, [1980] 1981; Keane & Owens, 1986; Keane, 1988: 69-100).

лась, по крайней мере, не такой актуальной. Отсюда Друкер (Drucker, [1981] 1984: 9) делает вывод о том, что «произошедший в теории производительности поворот от теории, предполагавшей заложенную в системе тенденцию к снижению доходов, к теории, предполагавшей их равномерное увеличение, является одной из главных причин кейнсианской “научной революции”». Именно этот поворот сделал возможным «смещение акцента с предложения на спрос или, другими словами, веру в то, что производительность отличает внутренне присущая ей тенденция к избыточному производству, а не тенденция к дефицитарности»⁵³.

Впрочем, к факторам, оказывающим существенное влияние на экономические показатели современных обществ, относятся и социальные процессы. Их, пожалуй, можно было бы назвать дериватами тех факторов, особое значение которых подчеркивал еще Кейнс.

Пример такого фактора – ожидания участников экономической деятельности (акторов). Впрочем, сегодня реакция экономических акторов на информацию, которая может иметь влияние на экономические процессы, гораздо более непосредственная. Экономические процессы в целом стали намного гибче, чем еще несколько десятилетий назад. Другими словами, сегодня практически все убеждены в том, что будущее неопределенно, что завтрашний день не оправдает сегодняшних ожиданий и что слухи, изменчивые настроение и предвосхищение будущих тенденций существенным образом влияют на экономическую деятельность⁵⁴. Это распространенное мнение, в свою очередь, питает убеждение в том, что только быстрая реакция на изменение экономических показателей может быть правильной.

Наконец, говоря о причинах снижения практической значимости кейнсианской теории для экономической политики 1970-х-1980-х годов, нельзя упускать из виду тот факт, что сам по себе успех идей Кейнса, так сказать, исчерпал их потенциал. Кейнс не думал о том, что будет, если предложенные им меры станут частью общей идеологии и основным инструментом экономической политики во многих странах. Одним из условий, при которых кейнсианская политика может быть эффективной, безусловно, является то, что никакие встречные процессы не противодействуют, в частности, мерам по регулированию спроса. Однако если экономические акторы предвосхищают «регулирование спроса за счет фискальной политики с целью достижения полной занятости, то эффективность этой политики подрывается инфляцией» (Scherf, 1986: 132). Тот факт, что кейнсианская теория и экономическая политика как бы упраздняют сами себя, имеет, вероятно, и другие, более глубокие причины. Речь здесь идет не только о мысленном предвосхищении последствий экономической политики по модели Кейнса. Изменились базовые структурные характеристики мировой экономики, и эти изменения были вызваны не в последнюю очередь успехом кейнсианских идей.

Таким образом, эффективная экономическая политика в изменившихся контекстных условиях требует экономических знаний, учитывающих эти изменения. Поэтому и сегодня остается верным комментарий Альфреда Маршалла об экономических доктринах (Marshall, [1980] 1948: 30 и далее): «Несмотря на широкое применение экономического анализа и теоретических рассуждений экономистов, у каждой страны свои собственные проблемы, и любое изменение социальных условий, вероятно, требует новых экономических принципов». То, как сам Кейнс оценивал свою критику в адрес нео «классической» экономической теории, вполне согласуется с тезисом Маршалла. Так, например, Кейнс (Keynes, 1936: 319) подчеркивает, что в своей критике он хочет обратить внимание не столько на конкретные

⁵³ Анализ военного кейнсианства выходит за рамки нашего исследования. См. на эту тему: Melman 1970; Mintz & Hicks, 1984; Jencks, 1985; Abelshausen, 1999; Johnson, 2007.

⁵⁴ Ответ Роберта Хейлбронера на вопрос о том, почему сегодня экономистам сложнее предугадать тенденции экономического развития, как нам кажется, указывает на схожие кардинальные изменения в структуре экономики: «Вполне вероятно, что это [предугадывание] сегодня дается сложнее, чем прежде, потому, что сама экономика теперь является скорее результатом решений, а не чистого взаимодействия объективных сил, что само по себе делает прогноз затруднительным» (цит. по: Greene, 1974: 64).

логические или методологические противоречия классической теории, сколько на ее далекие от реальности исходные предпосылки, в которых он видит причину практических неудач в реализации экономической политики, возникшей под ее влиянием. В своей «Общей теории» Кейнс старался показать, «что в условиях *laissez-faire* внутри страны и при наличии международного золотого стандарта, что было характерно для второй половины XIX-го века, правительства не располагали никакими другими средствами для смягчения экономических бедствий в своих странах, кроме конкурентной борьбы за рынки. Ведь все средства борьбы с хронической или перемежающейся безработицей были запрещены, кроме мер, направленных на улучшение торгового баланса за счет его поступлений»⁵⁵. Разумеется, идеи самого Кейнса вовсе не являются неуязвимыми для подобной критики.

⁵⁵ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 142.

Выводы

Влияние, которое Кейнс оказывал на политику, в своем роде уникально. Его личность была неразрывно связана с революцией в экономической теории и политике. И хотя при жизни Кейнса прямое влияние его идей было ограниченным, уже тогда прослеживались отдельные элементы, которые, как оказалось, имели решающее значение для его долгосрочного влияния. Кейнс был частью культурной и политической элиты централизованного – тогда, как и сейчас – государства. Его личные связи с представителями властной элиты Великобритании в период между первой и второй мировой войной простирались до самого высокого уровня, а, кроме того, Кейнс играл важную роль в должности консультанта при правительстве. Впрочем, несмотря на его присутствие во власти, его выдающиеся способности в качестве аналитика и оратора, а также его неофициальное, а иногда и официальное лидерство до кризиса 1929-го года правительство Великобритании не последовало его советам. Ему не удалось убедить правительство отказаться от валютного паритета на основе золотого стандарта, начать реализацию крупных строительных проектов, снизить процентные ставки и повысить налоги. К его рекомендациям прислушались позднее, после того, как многие страны пережили продолжительный экономический и политический кризис.

В своей книге «Политическая власть экономических идей» Питер Холл (Hall, 1989a) задается вопросом о том, почему идеи Кейнса в какой-то момент были восприняты в одних странах и не были восприняты в других. Чтобы ответить на этот вопрос, он, на основании анализа различных авторов, разрабатывает модель из трех взаимосвязанных факторов. Эти факторы – теоретическая привлекательность, а также административная и политическая возможность реализации.

Первый фактор описывает степень, в какой данная теория смогла увлечь сообщество экономистов и молодых ученых. При этом Холл имеет в виду и обещание решить важнейшие экономические проблемы страны. Для Кейнса важнейшей проблемой была безработица. Страны, которые видели главную проблему в инфляции, скорее всего, не стали проводить кейнсианскую политику. Кейнсианские идеи смогли убедить сообщество экономистов, а затем произвести впечатление и на элиту (см. Hall, 1989: 9, сноска 9). Этот аргумент предполагает, что идеи сами по себе обладают способностью убеждать и за счет этого приводят в движение общество. Холл (Hall, 1989: 10), впрочем, справедливо указывает на то, что экономические теории зачастую являются лишь одним из многих факторов, влияющих на политику. Еще один механизм влияния – это институционализация идей. Как пишет Салант (Salant, 1989), с кейнсианской парадигмой выросли целые поколения экономистов. Наиболее значимым транслятором идей Кейнса был учебник Сэмюэльсона «Экономика: вводный анализ», впервые опубликованный в 1948 году.

Другой аспект в модели Холла – административные возможности воплощения – отсылает к установкам чиновников в министерствах.

На основании своего опыта обращения с проблемами, с которыми они сталкивались в прошлом, они формируют суждение о функциональности определенной экономической политики. Госчиновники, чья главная забота – дефицит бюджета, вряд ли благосклонно отнесутся к политике кейнсианского толка. Относительная открытость политической администрации по отношению к консультантам, чьи взгляды не совпадают с представлениями традиционной экономики, является ключевой переменной в данном объяснении того, почему идеи Кейнса по-разному были восприняты в разных странах. Эта мысль получила развитие, прежде всего, в работах Маргарет Вейт и Теды Скочпол. Впрочем (по мнению Холла), в этом подходе переоценивается роль чиновников и недооценивается роль политиков. Институционально кейнсианское учение утвердилось в американском законе о занятости 1946 года, где

в качестве цели заявлено достижение высокого уровня и производительности, и занятости. Салант (Salant, 1989: 51) пишет, что где-то с середины 1930-х годов до конца второй мировой войны экономисты в правительстве опережали экономистов в университетах в разработке политических аспектов кейнсианской макроэкономической теории, особенно в приложении к эмпирическим данным. Академическая элита Гарварда быстрее добилась влияния на правительство, чем другие университеты. Как показывает Салант, Кейнс не имел прямого влияния на политику в США, а до 1938-го или 1939-го года опосредованное влияние его идей тоже было незначительным. Лишь позднее его влияние распространилось на интеллектуальную атмосферу в американском обществе, но тогда уже это влияние стало огромным.

Наконец, политические возможности реализации экономических идей проявляются в момент создания коалиций. Согласно Питеру Гуревичу (Gourevitch, 1984; см. также его статью в Hall, 1989), кейнсианские идеи были воплощены в жизнь только там, где существовала достаточно большая политическая коалиция, поддерживавшая сторонников этих идей. Это еще раз напоминает нам о том, какую важную роль в политическом процессе играют группы, возникшие на основе общих интересов, и о необходимости соотносить принимаемые меры с ожидаемой реакцией таких групп. Впрочем, в данном подходе сам по себе «интерес» не рассматривается как особая теоретическая проблема, а принимается как данность. И здесь замыкается круг холловской аргументации: идеи имеют решающее значение в определении собственных интересов.

Особое значение имеет структура политического дискурса. Интересно, что в середине 1980-х годов Холл мог исходить из того, что не само финансирование дефицита государственного сектора в целом воспринималось как проблема, но что проблематичными в период между двумя мировыми войнами пока еще были отношения между государством и рынками капиталов (Hall, 1989: 380 и далее). Мы же уже пережили возвращение к установкам, которые Холл считал навсегда исчезнувшими. Политический дискурс может меняться, а вместе с ним меняются и доминирующие политические идеи, которые берут свое начало в том числе и в коллективной памяти, основанной на прошлом опыте.

Описанную выше модель Холл использует для объяснения того, почему кейнсианская политика получила различное распространение в разных странах в разные периоды времени. В результате самой важной переменной оказалась политическая ориентация правящей партии. Если правящая партия поддерживала тесную связь с рабочим классом, а высокий уровень безработицы был главной заботой правительства, тогда вероятность того, что такое правительство последует рекомендациям Кейнса, была более высокой. Применительно к 1930-м годам Холл приводит примеры социал-демократов в Швеции, Демократической партии в США и Французского народного фронта. Впрочем, были и другие правительства (в частности, немецкое и японское), которые опирались не на мобилизацию рабочего класса, а на военную мобилизацию. Возможно, это говорит о том, что использование кейнсианского инструментария зависит не только от того, к какому политическому лагерю принадлежит правящая партия⁵⁶. По всей видимости, кейнсианские идеи могут использовать и левые, и правые, и демократические, и авторитарные режимы. Холл, однако, старается максимально полно исчерпать объяснительный потенциал своей центральной переменной и указывает на Скандинавию, где страны с сильными социально-демократическими партиями наиболее последовательно реализовали кейнсианскую политику, в отличие от стран со слабыми

⁵⁶ Нам кажется немного странным утверждение Холла (Hall, 1989: 376) о том, что «из пяти случаев кейнсианских или протокейнсианских экспериментов в период между двумя мировыми войнами, в случаях, не связанных напрямую с попыткой мобилизации рабочего класса, использовалась военная мобилизация, как это было в Германии и Японии». Это, по всей видимости, означает, что два кейса в его кейс-стади не подтверждают его гипотезу, а это довольно высокий процент для выборки из пяти стран. Впрочем, он тут же добавляет, что «социал-демократию, разумеется, нельзя отождествлять с кейнсианством» (377).

социал-демократическими партиями, где эта политика была реализована в наименьшей степени (Швеция и Норвегия, в отличие от Финляндии, тогда как Дания занимает промежуточную позицию).

Как только кейнсианская политика доказала свою эффективность, ее подхватили и продолжили консервативные партии. Это можно было наблюдать в США, где президент Никсон произнес свою знаменитую фразу: «Мы теперь все кейнсианцы»⁵⁷. Холл не обнаруживает ни одного противоположного случая, когда бы кейнсианская политика была инициирована консервативной партией. Решающим фактором Холл также считает власть центрального банка в его взаимодействии с главными политиками, а также влияние профессиональных чиновников, в отличие от советников, назначенных правительством на временной основе. Все эти факторы играют важную роль, однако при имеющемся многообразии стран и исторических периодов для обоснования данной модели необходима исчерпывающая реконструкция и интерпретация событий. Холл же пытается решить эту задачу на нескольких страницах в самом конце заключительной главы. Здесь он упоминает еще одну переменную – внешние шоки или кризисы. В этом смысле вторая мировая война была важнее экономического кризиса 1930-х годов (Oliver & Pemberton, 2003). В связи с этим Пирсон (Pierson, 1993: 362) спрашивает:

Почему «научение» в одних случаях ведет к положительным результатам и нарастающим изменениям в политике, а в других случаях – к отрицательным результатам и реакционной политике? По верному наблюдению Холла, конечно, трудно ошибиться, сказав, что на тех, кто принимает политические решения, влияют выводы, сделанные ими из прошлого опыта, однако уроки, которые нам преподносит история, никогда не бывают однозначными. Оглядываясь назад, пожалуй, можно сказать, что успех побуждает к повторению, и в этом смысле определение успеха или неудачи неизбежно является социологическим или политическим процессом [...] Холл высказывает свои предложения по поводу того, как можно определить неудавшиеся политические проекты. Опираясь на куновскую концепцию научных парадигм, он утверждает, что научение «третьей степени» (смена парадигмы) [...] включает в себя аномалии [...], не совсем понятные тенденции развития [...] в значении [другой] парадигмы.

По мнению Пирсона, это не более, чем данное постфактум объяснение того, почему определенный политический курс потерпел неудачу. Сложность и многообразие мер государственного регулирования, а также неопределенность в отношении взаимосвязи этих мер и их результатов, как правило, открывают широкое поле для дискуссий. То обстоятельство, что часто нельзя однозначно сказать, была ли та или иная политика «успешной», указывает на высокий уровень неопределенности в процессе научения.

Свое исследование Холл (Hall, 1989: 365) заканчивает еще одним вариантом объяснения практической эффективности кейнсианской экономической теории. Он обращает внимание на то, как быстро и беспрепятственно эта теория распространилась в экономическом сообществе без какого-либо одобрения со стороны политических авторитетов, и после этого, для достижения практического влияния на экономическую политику, оставалось только перевести ее в сферу поиска политических решений. «Возрастающее значение экспертов в управлении современным государством привело ее [теорию] в самое сердце политического процесса».

⁵⁷ То же самое можно сказать и о Новых лейбористах при Тони Блэре. Придя к власти, он продолжил неолиберальную политику Тэтчер.

Свою «Общую теорию занятости, процента и денег» Кейнс заканчивает следующим, на сегодняшний день уже ставшим классическим наблюдением:

идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий, после того как они достигли 25- или 30-летнего возраста, и поэтому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы используют в текущих событиях, по большей части не являются новейшими. Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла.

В этом абзаце Кейнс предсказывает и судьбу своей собственной «Общей теории». Но и помимо этого пророчества, для темы нашего исследования крайне важно высказывание Кейнса о потенциальном практическом влиянии идей, основанных на научном знании. Скорее всего, он сознательно выбрал многозначное понятие идеи, которое среди прочего означает, что наиболее важные практические воздействия знания носят культурный характер. Кейнс указывает на то, что знания косвенным образом (и с временной задержкой) способны влиять на социальные отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.